

Александръ Дунаенко

Код предательства

Рассказы о взрослой любви

Александръ Дунаенко

**Код предательства.
Рассказы о взрослой любви**

«Издательские решения»

Дунаенко А.

Код предательства. Рассказы о взрослой любви /
А. Дунаенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743457-1

Эротики в литературе хватает. А вот умной эротики в литературе практически нет. ...я ни у кого больше не нашла попыток рассуждать о сексе не как о погремушке из трафаретов «секс — любовь», «секс — физиология», «секс — грех», «секс — комплекс», «секс — порнография», но — как о необходимой составляющей процесса самопознания, как об одном из самых мощных способов общения, данном человечеству. И, возможно, где-то в светлом будущем — даже искусстве общения. Это если человечеству очень сильно повезёт.

ISBN 978-5-44-743457-1

© Дунаенко А.
© Издательские решения

Содержание

Наринэ Абгарян Об Александре Дунаенко	6
Афродизиаки	7
Женщина	7
Свободная жизнь	9
Тюльпаны	11
Принцесса, дочь короля	17
Сатисфакция	23
На снегу розовый свет	26
Запах женщины	28
Я тебя люблю	31
Часом раньше...	31
Сны	34
Нагашпай	35
У Тоси	35
Литературные встречи	38
Идеальная жена	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Код предательства
Рассказы о взрослой любви
Александръ Дунаенко

© Александръ Дунаенко, 2016

ISBN 978-5-4474-3457-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наринэ Абгарян Об Александре Дунаенко

Александр Дунаенко – один из самых талантливых авторов современного русского рассказа. Творитель той прозы, которой давно не было, и которую мы с таким нетерпением ждали. Сильной, настоящей, думающей прозы. Он всегда идёт до конца. Он не терпит намёков и экивоков – там, где другой писатель стыдливо отворачивает взгляд, пытаясь литературными приёмами завуалировать свою мысль, или наоборот, ударяется в недопустимую тривиальность, Александр Дунаенко ведёт себя, как истинный мастер – балансирую по самому краю, он умудряется не сорваться вниз, но и не отходит от кромки бездны. Ему туда не страшно смотреть. Он видит в бездне то, чего не дано разглядеть нам.

Рассказы Александра Дунаенко интеллектуальны, мелодичны, бесспорно эротичны, нестерпимо осязаемы. Кажется – ещё чуть, ещё шаг – и текст утащит тебя в какое-то другое, неведомое доселе бытие, возвращения из которого уже не будет никогда. Но вдох – и ты снова на этом берегу – оглушённый, опустошённый, абсолютно первозданный.

Через некоторое время приходит понимание того, что автор просто поиграл с тобой. Он позволил проникнуть в его реальность, а потом вежливо выпроводил обратно. Это его царство, его епархия, и посетителям там место ровно на то время, которое отвёл им писатель. Его совсем не заботит, каково это – дышать после.

Я искренне завидую людям, которым ещё предстоит познакомиться с рассказами Александра Дунаенко. Я была на том благословенном берегу. И запомнила его навсегда.

Наринэ Абгарян.

Афродизиаки

Женщина

В ноябре месяце прошлого года я видел, как с черного неба падали хрупкие кристаллики воды и разбивались о землю насмерть. Всю зиму мы топчем останки небесных творений... Ну, зима – это потом. Вначале было лето...

Вначале было лето, И много солнца возле синего моря. Галька, куски бетона, фантастическая зелень и немилосердная вонь субтропиков. Я купался с посторонней мне женщиной, которая от мужа и двоих детей уехала в отпуск к синему морю.

Я не уехал ни от кого. У меня не было своей семьи. Всё как-то не сходилось, не получалось, а теперь уже и привыкло.

На море без женщины никак нельзя. Женщина очень как-то скрашивает бездельный образ жизни, осмысливает его. Куда бы с ней ни пошёл, чем бы ни занялся, время пролетает удивительно быстро и с толком, которого невозможно объяснить.

На море у меня была женщина. Жила по соседству в курятнике. А я в свинарнике. Платили по 40 копеек в час за койко-место. Вместе купались, ходили в кино, столовую. Почему не предохраняешься? – спрашивал я. – А вдруг девочка или мальчик? Тошная, как жертва режима. Цены бы не сложили где-нибудь в Англии. А у нас – ничего. Без фурора. К пухленьким как-то больше. Вся страна припухла от уверенности в завтрашний день.

По гальке ходить полезно. Даже по горячей. Особенно по горячей. Соль в суставах растапливается. А с сахаром мы уже покончили. Хватит народ травить. Вон – апельсин сладкий, виноград сладкий. И – никакого вреда.

Груди от солнца нужно прикрывать. Радиация. Вредно.

Я не знаю, про нас не написано. Может быть, тоже вредно. Что? И у тебя муж ни рыба, ни мясо? А я – мясо? По рубль девяносто, филейка. Я – филейка. Доброе слово и кошке приятно. Стараюсь до судорог. **О н и** же вроде, как рояль. Подойдёшь с ключиком, с молоточком, с камертончиком. Тихо сядешь подле и давай: тук-тук. И – слушай. Поправил струну, тюкнул и – дальше.

Вот так настроишь, подтянешь, а потом – возьми аккорд, другой, третий. Красиво. Чисто. Звучит-то как!

У мужа нет слуха.

Я стала совсем другая.

Давай поженимся.

Очень хорошо. У меня сразу двое детей и трёхкомнатная квартира, и в каждой из комнат меня будет наступать этот рояль. Тюк-тюк... И так хорошо. В одном городе живём, гора с горой, человек с человеком, собака с собакой.

Кончается отпуск. Чемоданы. Красивое на тебе платье. Да и сама ты... Брось, не смотри зверем. Нет, не зверем, а так, будто на всю жизнь прощаемая. Гора с горой. Кролик с удавом. Нет, я выйду из самолёта позже...

И вот наш общий город. Ты пропала в нём. Телефон, адрес – на кой чёрт они мне. Пропала, как не было. День, два – ничего. И неделя, месяц – я каждый час и минуту не испытываю ни малейшего беспокойства. Расстались – и ладно. Была женщина. Живёт где-то здесь. И адрес не нужен. Зачем мне её адрес? Столовая. Компот из сухофруктов. Там, у моря, тоже был компот из сухофруктов. А у этой девушки, как у тебя, такая же длинная, загорелая шея. Вот и фильм докатился до нашего города. Почему бы ни посмотреть во второй раз, неплохая вещь, там, у моря, смотрел в первый.

В ноябре встретились. Не узнал. Пальто, меховая шапка. Подошла в румянце. – Чай, кофе? У меня, конечно. Недавно получил квартиру: 11 микрорайон, газ, горячая вода. Что-то новое в твоих поцелуях. И вся другая. *Спасибо тебе. Ты меня сделал женщиной. Я и мужа не понимала, а вот после тебя...* Я так счастлива, я так его люблю...

И была ночь. Я возвращался в свою пустую квартиру в 11 микрорайон. И первый раз в жизни я не радовался снегопаду, который открылся внезапно и сразу крупными мохнатыми снежинками. Мне представилось, что они падают, не удержавшись на краю облака, головой вниз и разбиваются насмерть об замёрзшую землю. У меня кружилась голова. Мне казалось, что это я стою на краю облака, теряю равновесие и ухватиться мне не за что.

июнь, 1988 г.

Свободная жизнь

Когда я слышу, как женщины расписывают свою независимость в домашнем хозяйстве, меня смех разбирает до икоты. Тоже мне нашли, на чём строить политику. И строят. На плюшках. Я могу прожить без плюшек, вы можете прожить без плюшек, в конце концов, и я и вы можете сами их приготовить, если в этом вам поможет жареный петух, так значит ли из этого, что вы и я произошли от обезьяны, а все женщины – от святого духа?

Но вы женитесь, и поживите лет двадцать, и вы почувствуете разницу. Вы поймете, что сварить борщ и вымыть полы – величайшее в мире искусство, и когда бы вы ни пытались всё это повторить – все равно руки у вас выросли оттуда, куда Макар телят не гонял и нечего со своим дилетантством даже рыпаться в ухоженный и отутюженный калашный ряд.

У меня жена уехала на учёбу, оставив мне на шею двух сыновей, двенадцать половиков с пылесосом, холодильник с мясом и кастрюлю с тарелками. Плакала жутко, когда уезжала, как будто навеки с нами прощалась. Как будто мы калеки без рук, без ног, только рты у нас и глотки. Может, я чего не понимал, но я не плакал. Мне рисовалась свободная, радостная жизнь без половой дискриминации. Когда мне на каждом шагу не будут тыкать фотографию живого Дарвина и напоминать, что я, равно как и он, произошёл от обезьяны.

Вы знаете, я специально взял билет для жены на поезд, а не на самолет, чтобы она семь суток туда ехала и семь обратно. И пошел домой: два месяца я никому не буду портить воздух, я – полноценный человек.

Я купил водки – кто мне может слово сказать – водка везде есть, а я прилично зарабатываю. И пригласил Вовика. Пей, говорю, Вовик, ешь. И никого не бойся. И не оглядывайся на дверь, я здесь хозяин!

Суп ел Вовик. Суп из пачки. Кто смеётся – тот сам дурак. Мы говорили от души и пили.

Детей я кормил. Кормил каждый день до отвала. Никаких проблем. Вермишель варил. Картошку жарил. Блины пёк. Ну и что, если вместо блинов колобки получались – ЧЕСТНО-ТОЛЬКО В ГЛАЗА – вы когда в жизни в последний раз колобки ели? Вы вообще их когда-нибудь ели? Да, ладно. Если у вас уезжала учиться жена, вы наверняка ели чего-нибудь такое, что вряд ли кому и видеть приходилось. Мои дети сами могли изобрести любое блюдо... Да что это я всё о еде, да о еде. Я вам скажу, что мы каждый день по очереди делали уборку – никто от этого не сдох – и покончим с хозяйством. Оно занимает ничтожно малую часть в жизни человека – я знаю это теперь наверное, а женщины раздувают из него непомерную помпу.

Кстати, о женщинах, как таковых. Шестнадцать недель моя жена училась в отрыве от семьи и производства, и кто вам сказал, что я ни на кого даже не посмотрел? Я посмотрел и даже не раз. Ольгу Петровну я сводил в театр. Как? Вы не знаете Ольгу Петровну? Её все знают. Все видели, что, и со мной, она пошла в театр. А Клеопатра Львовна, жена Леопарда Силыча? Она заходила ко мне вечером на чай, я расставил кругом свечи, всё было, как в средние века. Особенно, когда зачем-то припёрся сам Леопард Силыч. Хамло несчастное, все свечи изгрыз.

В милиции мы сказали, что мы два брата, мы с горы катились, – как у Лермонтова, помните? Они вспомнили, и мы скатились еще с одной горы.

А когда приехала жена – на мне зажило уже всё, как на собаке, никто даже и представить не мог, что когда-то у меня был брат. А я, когда увидел её, то почему-то сломался. Я увидел её, красивую, милую и тёплую, которая бежала ко мне с поезда, позабыв о чемоданах. И я заплакал, хотя все шестнадцать недель я ходил гордый и сильный и радовался своей свободной, но как оказалось, ужасно глупой и никчёмной, жизни. И чистенькие мои дети прижимались к ней на диване и лезли распаковывать коробки. И были надраены полы, и целая кастрюля первосортного борща из консервы дымилась на газовой плите. И хотя к приезду жены, нашей мамы, нашей любимой, мы всё это сделали сами, хотя мы знали, что для них, женщин, домашнее хозяйство – это всего лишь помпа, повод к политике диктатора и самоутверждения, мы почувствовали, как мы истосковались, изголодались по этому милому гнёту...

И пусть в вопросе о происхождении мира я так и не пришёл к полному согласию с первоначальной версией жены, я начал подумывать, что, наверное, здесь возможны и какие-то компромиссы.

Сама она стала менее категоричной, более внимательной ко мне, и потому в отдельные минуты я уже готов был проявить слабость и поверить, что, действительно, она у меня – существо неземное...

Впрочем, именно с такими мыслями я и бежал к ней двадцать лет назад, неся на губах первые слова любви...

Февраль, 1987 г.

Тюльпаны

Степь весной, весной ранней – это серое однообразие под небом, которое, меняя к тёп- лому свои оттенки, готовится к лету. Кое-где сугробы нерастаявшего снега. Ручьи, жаво- ронки. Внезапные холода с ветрами, которые заставляют забыть, какое время года на дворе. На простой легковой машине прогуливаться в этот серый революционный период чревато неожиданными осложнениями. Нужен, как минимум, джип. Потому что можно въехать в незаметную, подсохшую сверху, грязь и застрять. И никто тебя не выручит, не спасёт. И нет в это время никаких полевых работ, и встретить дурака с трактором, который просто так, подобно вам, прогуливается по степи, практически невозможно.

И не нужно в это время туда ездить.

А нужно подождать недельку – другую. Когда верхний слой земли уже прогреется не сиюминутно, а по-настоящему. Когда протянутся сквозь него тонкие мягкие иголки осле- пительно зелёной травы. Когда расцветут и увянут, сгорят на солнце мелкие жёлтые цветы, которые в этих краях называют подснежниками.

Когда на смену им вдруг появятся неожиданно и ярко, тысячи упругих стеблей с буто- нами, в которых заключены все цвета радуги – это Его Величество Тюльпан пришёл возна- граждать монотонные пространства за долгие месяцы серого, незаметного существования.

И вот уже тогда в степь нужно выехать непременно. Потому что степь, усыпанная тюльпанами – это зрелище, которое ничем не возможно заменить. Это безумная, фантасти- ческая красота всего на несколько дней. К примеру, Венеция – она Венеция 365 дней в году. И Лувр. И морды на острове Пасхи. А тюльпан в степи – всего на мгновение. Он – праздник степи, её карнавал. Появление тюльпана – это торжественное открытие весны.

Раскрывшийся бутон излучает необъяснимую радость. Чему радуется? Чего ожидает получить взамен? Знает ли, что он – всего лишь цветная вспышка и сидеть потом его луко- вичке под землёй целый год, до весны следующей. Знает ли он про такую свою жизнь – всего несколько дней в году?

В бескрайней, почти безлюдной, степи, для кого он так красив? Как будто какой сума- шедший художник из года в год гениально рисует одну и ту же картину. Потом смотрит, как она гибнет, стремительно выгорает на солнце. Картина ни для кого. И этому ненормальному абсолютно всё равно, увидит ли его творение человеческий зритель. И как её оценит.

Наш степной тюльпан, тюльпан Шренка, занесён в Красную Книгу. Был в степи такой случай. Мне рассказывал старый целинник. Распахивали они тогда, в 50-х, направо и налево, целинные земли. И днём приходилось пахать, и ночью. И вот однажды выехали с бригадой в ночную смену. Грохот, пыль, зажжённые фары. Битва за посевную. И тут головной трактор выехал на пригорок и остановился. Впереди в свете фар вдруг возникло поле, усыпанное цветами немыслимой красоты. Тюльпаны всех цветов радуги вспыхнули из темноты и уда- рили по глазам неожиданным, беззащитным, праздником. Остановились трактора. Замерли, оглушённые цветом и красотой, механизаторы. Оседала пыль. И цвели тюльпаны.

– Ну, чего стоим, – сказал бригадир. Работать надо. Давайте по машинам. Нехотя разошлись. Взревели дизеля. И тут молодой парнишка, целинник из Подмосковья, дал по газам, выехал вперёд и загородил дорогу всем. Выпрыгнул из трактора, поднял руки вверх, освещённый десятками фар, закричал: – Стойте! Сюда нельзя! Здесь же ТЮЛЬПАНЫ!

Не он один. Наверное, все понимали, что делают что-то неправильно. А может, и не все. Потому что пахать целинные земли, не обращая внимания, кто на них живёт, приказала Партия. А Партия не может ошибаться.

Бригадир опустил глаза и сказал: – У нас полстраны перестреляли, да в лагерях сгноили, а ты – тюльпаны, тюльпаны... Бригадир был из Ленинграда. Но уже двадцать лет жил в этих диких степях. И поле перепахали. Мальчишка плакал...

...

Выехать за город, посмотреть на тюльпаны, нарвать букетик – мероприятие духовное. Эстетическое. Но всё-таки – противоестественное, если не пригласить посетить тюльпаны красивую женщину. Например, в театр можно сходить и одному. Но туда идут с красивой женщиной, иначе искусство не будет восприниматься, усваиваться полноценно. Нужен катализатор – красивая женщина.

А некрасивых женщин не бывает. Есть любимые и остальные. Их, остальных, субъективно и произвольно делят на красивых и некрасивых. Поскольку на вкус и цвет найти единомышленника трудно, то и понятие красивая-некрасивая становится растяжимым до границ пристрастий и слабостей определённого субъекта.

Ты у меня красивая, потому что я по тебе и сохну и дохну. Для других, может, и обыкновенная.

Да, ты и боль моя и восторг, про который говорят – ни в сказке сказать, ни – пером описать. Почему боль – потому что ты замужем. Ты не могла быть незамужем – прекрасный характер, замечательная хозяйка, привлекательная – мужчины на улице заглядываются, останавливаются, долго смотрят вслед. Особенно летом, когда из-под расклешённой короткой юбочки выглядывают смуглые, зацелованные мной до всех пределов, ножки.

А город наш ветреный. Ну, никак не уберечься, чтобы порыв тёплого летнего воздуха не дунул вдруг на голые твои ноги снизу, под мини-клёш, и тогда замирают от приятной неожиданности, попавшиеся на твоём пути и желторотые юнцы, и бесполое старцы.

Не сказать, правда, что ты особенно от этого и береглась.

Твои ноги – это что-то особенное. Безрастительные. Тёплый мрамор. Коротенькие волосы только там, где ноги почти соединяются, и остаётся небольшой горизонтальный промежуток. Маленькая плоская вершина трапеции, которая хорошо заметна со стороны, когда ты стоишь напротив в своём лёгком, полупрозрачном, платье.

«И в том краю есть промежуток малый. Наверно, это место для меня...».

Я не знаю, почему ты приходишь на свидания со мной. Всё у тебя есть и жизнь устроена. И в интимной жизни, как удалось вычислить по обрывкам фраз, у тебя всё в порядке. Более, чем. И тебе никогда *это* особенно и не было нужно. Был, правда, случай...

Позвонила – голос какой-то странный. Нужно встретиться. И, чем скорее – тем лучше. Конечно, всё бросил, прыгнул в машину и – в режиме ралли, к условленной точке. Стал в тупичке, никому ниоткуда не заметный. Увидел свою женщину ещё издали. Шла как-то неуверенно, как во сне. Одета – как будто что делала на кухне, потом всё бросила и так вышла на улицу. Халатик, на босу ногу тапочки. Села в машину, тихо поздоровалась. Поехали за город. Одна рука на руле, другая – к тебе. От тапочка по внутренней стороне гладкой ножки вверх, под халат. Осторожно. Бесстыдно. Пуговицы, кажется, расстегиваются сами. Одновременно смотрю на дорогу, торможу, переключаю передачи. Ох-х-х... Ты уже готова... И ещё как...

Провёл рукой по голове. Мягкие любимые волосы. Пальцами коснулся губ. Они открылись, мокро обхватили мои пальцы. Захватили глубоко, как леденец, медленно дали выскользнуть, потом захватили снова... Я бросил руль и потянул книзу молнию на брюках. Пальцы изо рта вытащил и тихонько попытался наклонить твою голову к себе, туда, где, вырвавшись из тесных джинсов и распрямившись, в невыносимом желании торчал мой суверенный друг. Он ещё более напрягся и обезумел, потому что ощутил твой взгляд.

Торможу, переключаю передачу, здесь спуск и поворот...

Ты легко поддалась давлению моей руки, наклонилась...

Я смотрю на дорогу, мне нельзя отвлекаться, я почувствовал – горячие твои губы накрыли, обволокли меня, я погружаюсь в них глубже и глубже, ты жадно меня в себе утопила... Не увлечься бы, не сорваться... Иначе – к чему эта вся поездка? А тут ещё эти ямы, колдобины. Машину кидает, мокрый задубевший ствол то выскакивает у тебя изо рта, то вдруг грубо, рывком уходит вглубь, так, что губы твои касаются металлических зубочков расстёгнутой молнии. Боюсь повредить тебе гортань. О себе как-то не думаю. Хотя на этом участке дороги, на какой-нибудь кочке, гильотинка может буднично клацнуть. И тогда всё – конец всей моей мужской жизни...

Ты стонешь, но не бросаешь. Выражение «гортанные крики» пришло, наверное, отсюда...

Да, нужно свернуть направо... Мы останавливаемся в лесопосадке. Всё. Можно не спешить. Ведь мы уже приехали. Хотя – нет. Невдалеке, под карагачом, уже стоит зелёный «жигули-комби».

Даже днём, среди недели, не протолкнёшься...

Отъезжаю дальше, в глубь посадки. Теперь всё. Даже если в трёх метрах ярмарка – с места не сдвинусь.

Я целую свою милую. Халат распахнут, лифчик и трусики, как будто кто на тебе переворошил – смяты, скомканы, и они уже ничего не прикрывают. Это всё я? Ничего не помню. Подожди ещё минутку... Сейчас я буду любить тебя, и любить долго...

А потом ты лежала, и, запрокинув голову, смотрела в небо. И тогда ты сказала: «Я видела в небе ангелов...».

Как можно называть это грехом?.. Не пожелай жены ближнего... А какой он мне ближний?...

И я пригласил тебя на тюльпаны. Кого же ещё? Вырвалась, нашла время. У меня всё та же старенькая «Нива». Соблюдая все правила конспирации, жду тебя у «Гастронома». Ты выходишь из толпы и ловишь случайную машину – меня. Как только сердце не выпрыгнуло из груди, когда тебя увидел! По пути пришлось сделать остановку у киоска. – Сейчас, – говорю, – возьму сигареты и жвачку. Когда снова сажусь за руль, ты улыбаешься: – Ну, что ты суетишься, сегодня можно обойтись без презервативов... Я чуть не покраснел. Откуда догадалась?

А тюльпаны у нас недалеко, за городом. Проезжаешь мусорные свалки, брошенные заводские цеха, пустыри – и вдруг оказываешься в чистом поле. Пологие холмы до горизонта, как застывший океан. Сероватый фон от высохших прошлогодних трав и – неожиданная роскошь – тюльпаны. Они здесь практически в полном наборе своего разноцветья – белые, жёлтые, алые, розовые...

«Ниву» останавливаю на пригорке. Тепло. Слабый ветерок. Помогаю тебе выйти из машины. Машина высокая, можно получить удовольствие от того, как из своей короткой юбочки ты выдвигаешь ногу, чтобы достать далёкую землю. И я получаю это удовольствие.

Тюльпаны уже здесь, под ногами. Прежде, чем начать тебя целовать, – а я ведь буду тебя сегодня целовать? – я наклоняюсь и срываю несколько цветков. Подаю тебе – слышишь, как пахнут? Это особенное удовольствие – срывая тюльпаны, собирая их в букет, периодически подносить их к лицу, чтобы услышать их удивительный запах.

От цветка к цветку можно уйти незаметно очень далеко. Я касаюсь твоей руки. Обнимаю за талию. При случае – прячу лицо в твоих волосах. Что лучше – аромат тюльпана, или этот родной, от которого кружится голова, запах твоих волос?..

Оглянулись – наша «Нива» на пригорке уже кажется маленькой игрушкой.

Когда влюблённые касаются друг друга, они не просто касаются друг друга. Идёт взаимное считывание информации о том, как данную минуту, мгновение относится к тебе твой любимый человек. Внимательное, пристрастное, до самого тонкого оттенка чувств. Вопрос, который у влюблённого человека требует постоянного ответа: *а любят ли меня ещё?* И – как? От этого зависит куда, в каком направлении, будут дальше развиваться отношения. И будут ли?

И вот мне что-то стало как-то не так. Не сказать, что от моей милой веяло холодком, или она от меня отстранялась. Нет. И смеялась она, как всегда. И прижималась телом. И оделась таким пронзительным образом, что временами даже не ощущалось действия гравитации.

Я спросил, я начал издали, – как там, мол, семья, как сынишка. Оказалось, всё хорошо. Ходит в садик, учится говорить «Р-р-р». Позавчера, в гостях, попросили его сказать

«трактор». Хитрец, решил не напрягаться, сказал «К-700». А муж? Ну, что – муж... Работает. Бегает, всё для дома достаёт.

Муж – это отдельная песня. Насколько мне удалось вытянуть из моей любимой информации о нашем муже, то это вообще какой-то супер. Мечта каждой женщины. Любит. Хорошо зарабатывает. От сынишки без ума. В постели изобретателен и неистов. И на вид не какой-нибудь Баркильфедро, а весьма презентабельный, пришлось как-то по делам встречаться.

Ну, так что муж? – спрашиваю. – Ничего, работает. – И – всё? – спрашиваю опять. – Что ты имеешь в виду? – Ну, вот *это*... И оба мы понимаем, о чем я. Хотя ты ещё несколько минут пытаешься уйти от прямого ответа. Потом – Ну, да, было. Да, сегодня. Прямо перед тем, как нужно было бежать к «Гастроному». Он будто чувствовал. Всё крутился вокруг, крутился. Опоздал на важную встречу...

Ну и ладно. Пустяки, дело житейское. Действительно, куда уж тут денешься. Никуда не денешься. Идём обратно к машине. Да я не расстроился. Наступил на один тюльпан, на другой. В салоне разложил сиденья, оборудовал наше внебрачное ложе. А вот ты уже и без верхней одежды. В нижней – моей любимой. – Снять, или пока пусть? – спрашиваешь ты. – Пока пусть, – смотрю, провожу рукой по волосам, целую плечи.

Один – красный тюльпан, просовываю за перемычку между чашечками бюстгалтера. Другие цветы – по одному под резиночку трусиков. Сквозь тонкую ткань просвечивают их стебли. И дорогие твои тайны.

Белый, малиновый, жёлтый, сиреневый... А что? Властитель Персии золотой позволял ли себе такую роскошь – украсить любимую тюльпанами? Позволяют ли себе власти-тели иметь любимых? А, если любимая замужем? То тогда властитель позволяет себе отрубить мужу голову. Не знаю, будь властителем я, я бы начал не с головы...

Я целую тебя и, заглянув в глаза, спрашиваю – Ну что, поедem? Ты не знаешь, что ска-зать. А я знаю. Ну, не зверь же я всё-таки. Там эта, влюблённая в тебя долбёжная машина, вышибла из тебя все соки, а теперь я возьмусь тут тебя добивать. Человек – существо мате-риальное, биологическое. Со своим ресурсом, запасом прочности. Способностью уставать, на- и пресыщаться. Духовные силы и красивые чувства могут появиться в человеке тогда, когда у него ничего не болит, когда он не голоден, когда его не мучает желание отдохнуть, выспаться. И губы готовы целовать вновь, когда отдохнули от предыдущих ласк. Иначе у поцелуев другой вкус.

Мы ехали обратно в город. Ты сидела на заднем сиденье, молчала и лохматила рукой мои волосы.

Созвонились через неделю. Ты позвонила мне сама. Звонкий любимый голос спросил меня, как дела. Я услышал твой голос и сказал, что дела у меня идут хорошо, просто заме-чательно. Что я готов заехать, а ты сказала, что уже ждёшь на новом условленном месте. Ты сказала, что звонишь из автомата и ещё – что очень по мне скучала. И соскучилась. В общем, набор таких обыкновенных, почти одинаковых, слов.

Мы приехали туда, где неделю назад всю цвели тюльпаны. Их уже не было. Как будто их не было никогда. Но мне казалось, что всё поле усыпано цветами. И небо.

На этот раз ты была только моей. Твоё дыхание, глаза, твоё тело не обманывали меня. Я знаю. *Я бы почувствовал...*

Принцесса, дочь короля

Посвящается Джулии

История эта кошмарная, и, не приведи Господи, кому из вас такое пережить. У меня и сейчас в руке дрожит перо...

А вышло всё оттого, что вздумал я, старый пень и дурак, в тридцать пять лет жениться. Говорят, что рожать в этом возрасте уже будто бы трудно, а вот жениться – в самый раз. Созрел, мол, нагулялся. Остепенился. Не знаю. Если в жизни всего наделался, то, скорее, помирать пора, а не жениться.

Красавица моя временно проживала в Москве и училась на журналистку. А я готовился получить диплом культурного человека в специальном институте, где пять лет учат играть на балалайке, а первые три года – читать и писать. Институт, само собой, тоже находился в Москве, общежитие наше поставили на ремонт, а меня, за хорошую учёбу, поселили в ДАСе – общежитии Московского университета. Первую неделю я ходил овцой по ихнему общежитию и пялил глаза на росписи, выполненные пещерным человеком, на курящих девочек и чёрных негров, которые рассаживались вокруг кадки с пальмой и чем-то напоминали Африку.

Я чуть было не окунулся во всю интересную атмосферу дискуссий и жарких прений, каковые разводили здесь люди исключительного мозгового размаха. Но тут эта женщина злополучная попалась. Вроде, как шлагбаумом, она отсекла мне путь к живому общению с талантливой молодёжью ДАСа.

Да, да, она была красавицей. Иначе я не пролил бы суп на её ночную рубашку. В той самой, знаменитой «дасовской» столовой, тихонько я двигал свой поднос к кассе и случайно оглянулся. Ну и негритянка... Ну и негритяночка! Тридцать пять лет жил, не знал, что такие негры на свете бывают. По телевизору их, что ли, выборочно всегда показывали? Да и здесь, в ДАСе, сплошь синие, губастые, с плоскими лбами – страшно смотреть. А тут – вполне европейская будто бы женщина, только губы сочно-красивые, чувственные, каких в Европе не делают, да кожа... Что кожа – у нас в Актюбинске, в Мугоджарском районе, и почерней девочку можно отыскать.

Наверное, я, как все мужчины, сволочь, потому что хочется рассказать и про стройность её, и про большие глаза голубые, и про волосы, что длинные, вьющиеся, до самого пояса. Ну, что она, скотина какая, что я о ней всё – с ног до головы, как о лошади. Ещё бы про зубы похвалился. Да, и зубки у неё были, хотя и несколько крупноваты, но хороши поразительно.

И вот на эту улыбку я натолкнулся со своим подносом, ожёгся об эти глаза. И был бы я последний чурбан невоспитанный, если бы не уронил весь обед, не облил ей супом ночную рубашку, и – не опрокинул себе на голову стакан сметаны потом, когда увидел, каких дел натворил, и как трудно будет теперь всё исправить.

Джулия (она – Джулия!) рассмеялась так, что миллион жующего в зале народу вздрогнул. Ей, конечно, было жаль заграничного своего платья, которое я, деревня, принял за ночную рубашку. Жаль, потому что от нашего советского супа «харчи» бессильны пятновыво-

дители, нужны ножницы, но вид меня в сметане, по-видимому, с запасом покрыл издержки несчастного случая. Сразу стало видно, что я – человек необычайно острого ума, но, что более важно (как сказала мне потом сама Джулия), что я влюблён в неё без памяти.

Вечером я пошёл к Джулии извиняться. В голове был сумбур, как будто часть супа попала ещё и туда. Как зайду? Что скажу?

Дверь. Звонок. Джулия. Мы разговариваем. Джулия не сердится, совсем не сердится и много смеётся. Русский она знает плохо. Знает английский, французский, итальянский, несколько каких-то своих. Я со словарём знаю все языки. Но жадно вслушиваюсь в обрывки *русских* слов. В Африке есть маленькое государство Калликсо и Джулия – обыкновенная принцесса, дочь короля. Их страна отказалась культивировать у себя язвы капитализма. Сейчас Калликсо очень нужны свои адвокаты, журналисты, философы. Лучших своих людей правительство посылает на учёбу к нам, в Советский Союз. Я смотрю на Джулию восторженными глазами: она – лучшая. Она – самая лучшая. Прихожу к ней пять, десять раз – пропадаю. Что у них ещё за порядки – ходить почти нагишом. Ну, этот её «нагиш», правда, не совсем «нагиш». Карден бы заплакал, а то и вовсе слёг. Древний художник росчерком в несколько линий сделал ей наряд: так одевали богинь. Я хотел посмотреть, как их раздевают. Я взрослый человек, мне скоро сорок. Вечер. Мягкий розовый свет в комнатке Джулии. Мы одни. Я протянул руку, и тут послышалось тихое противное шипение. Бог с ней, с любознательностью. – Что это у тебя шипит. Джулия? Чайник, что ли? И тут, рядом с девушкой, появляется голова кобры... Так, ничего особенного: сплюснутая голова пружинисто покачивается на изогнутой струне туловища. Ещё этот... язычок, туда – сюда. Я, конечно, сразу за девушку испугался, встать не могу, белый весь. А она смеётся. Это, говорит, Кесси. Кесси живёт вместе с ней в общежитии и, по поручению богов, охраняет Джулию. У них в стране очень серьёзно относятся к браку. До свадьбы возле каждой девушки живёт такая кобра, и ещё не бывало случая, чтобы под венец попала не девственница.

Джулия, ты помнишь старый круглый стол, на котором творили свои бесчинства бояре старой Москвы? Как вообще такой стол мог попасть в ДАС? И даже – *такие* столы? На каждом этаже их было по два, на каждом столе – следы страстей трёхсотлетней давности. На этих столах любили, рубили головы, четвертовали, за этими столами пили и устраивали спиритические сеансы. В ДАСе столы украшали крохотные пазухи в длинных коридорах общежития.

Джулия, ты помнишь, ты приходила ко мне в 211-ю? Девушке неприлично находиться в комнате мужчин, мы шли на круглый стол. К свиданию ты одевалась так, что во всём ДАСе бледнело электричество. Мини – разве можно такое мини! Колготки – что ты делала с бедными мальчиками ДАСа? Губы – зачем тебе этот шок в коридорах, зачем пожар?!.. Сиделась на древний стол: стройная нога на стройную ногу – (а что ты делала со мной? – но я всё время помнил о Кесси) – сиделась, брала в тонкие пальцы свою импортную цыгарку. Зачем куришь? С трёх лет, с трёх лет... Ну и хватит, зачем нам рахиты? Море, бананы, апельсины. Да, хорошо у вас. Самое лучшее у вас – это твои глаза, Джулия. Твои голубые, синие, зелёные, бирюзовые... чёрт, как они меняются... ты чистокровная калликсянка? Странно: кожа, голубые глаза. Можно, я коснусь губами твоей кожи? Ваш Бог разрешает? Наш? О! Наш разрешает всё, а потом на том свете наказывает. Можно, да? можно?..

В поезде двое суток в купе. Чай. Суп из солдатской мисочки. За окном остатки лесов. Ночью с верхней полки я протягиваю руку к Джулии. Она внизу. Я слышу кончики её пальцев. Полумрак. Спят соседи по купе. И мне кажется, что, на соседних полках, спят проклятые змеи.

Наутро я в радостном волнении: колёса поезда въехали на актюбинскую землю. Яйсан, Мартук, Каратагай – красота-то какая! Что-то мне папа с мамой скажут... Я им вообще-то писал, что приеду с невестой, но не посвящал в подробности. Зачем заранее сообщать, что, мол, принцесса, и ещё полцарства в Африке в придачу. Да, Джулия что-то там говорила об алмазных приисках, залежах урана. Её папа втихаря уже бомбу делает. Если всё будет хорошо, бомбу он отдаст нам с Джулией. Будет ли всё хорошо? Со своим папой я договарюсь, а вот что скажет мама? На словах мы все интернационалисты, а когда доходит до дела... Вот у нас, в Растсовхозе, грек вздумал на испанке жениться, так между семьями чуть резня не вышла. Совхоз узнал, что все греки пархатые, а испанцы, только недавно, кушать стоя научились. А тут – калликсянка чернокожая.

В Москве я специально ходил с Джулией в Тимирязевский парк, на озеро, чтобы как можно сильнее загореть. Сама она чернее не становилась, а вот я к ней чуток подтянулся. Белый бикини Джулии издали обращал внимание. Москвичи оборачивались, останавливались, как будто негров никогда не видели, и с интересом разглядывали меня, да так, что я чувствовал себя марсианином.

На актюбинский вокзал шоколадная Джулия вышла в лёгком чёрном платье. Вот и ничего. Ну, немного темнее наших, но у неё душа хорошая. Бедная моя мама... Но даже папа в первые минуты ослабел...

Дорогие мама и папа, к вам не ревизор приехал, это моя Джулия. Я понимаю, что, поначалу, все матери глядят на сноху, как на человека другой расы, но, умоляю вас, будьте интернационалистами! Мир! Дружба! Рот фронт! Но пасаран! (Хоть бы один лозунг по-калликсянски, чтобы Джулии было приятно). Као ляо по соляо... нет... не то... Джулия опять смеётся, протягивает руку: мама тётя Анна Васильевна, *Мунате позовут Джулия*. Да, мама, это моя невеста. Папа обнял меня. Он рад. Он радовался бы даже и в том случае, если бы я и совсем не человека привёз, лишь бы мне было хорошо. – Что, уже надо жениться? Совсем не заметно. – Заметно, папа. Мне уже тридцать пять, и это заметно: голова седеть начала, морщины от бесконечного веселья. Нет, родители не приедут. Сложное положение в стране. Будут два-три министра, да товарищи по племени.

Я показываю Джулии грядки с морковкой, огурцы и помидоры. Папа у меня огородовед-любитель. Безобидный конкурент планово-убыточному совхозному хозяйству. Каждую осень он прячет в погреб мешок картофеля, в котором несколько десятков новых сортов. Есть и даже трогать их нельзя, потому что это *сорта*, и потому на зиму для еды папа собирает картофель с полей того самого убыточного совхоза, где горожане, по обычному осеннему авралу, создают видимость уборки, помощи города селу. Джулия не понимает сложной механики советского хозяйствования на уровне отдельно взятой семьи и страны в целом. Объяснять бесполезно. В Калликсо только начинают строить социализм и пока как-то все-рьёз о продуктах не задумывались.

О свадьбе, в принципе, договорились. Родители сделали вид, что успокоились. Ночью мама подходит к моей кровати и тихо плачет. В одно из свежих солнечных утр к нашему барaku подъехала чёрная «Волга». Вышли большие люди в чёрных пиджаках и галстуках. Облисполком, Гизат Эбатович. Очень приятно. Международная свадьба. Событие для города. Будут пресса, отцы города, КГБ. Мало ли, что может случиться. Автобус подадим, выделим средства. Это что, она? У – у, какая хорошенькая! А что она ест?..

Двенадцатого июля свадьба и день рождения Джулии. Город в транспарантах. Из предприятий всех повыгоняли для ликования, когда будет проезжать свадебный поезд. ЗАГС, католическая церковь. У нас перестройка. Уже два года мы стараемся терпимо относиться к людям, которые верят не в то, во что надо. Джулия сказала, что в церковь – обязательно. Ладно, понимаем. Потом – Дом культуры металлургов, свадьба. Накануне Джулия сказала мне одну странную вещь. У них, в Калликсо, прямо-таки культ нравственности и целомудрия. Но, в день свадьбы, жених с невестой должны пройти суровое испытание. Так требует их бог Мугму, и никто не смеет его ослушаться. В общем, нужно, чтобы с Джулией, в день свадьбы, переспали все мои и её друзья (в первую очередь – самые близкие), ну, конечно, товарищи по работе, по партии. Ну, а потом я и сам могу прикоснуться к своей невесте, и уже до конца дней мы будем принадлежать только друг другу.

Получалась вот такая ерунда. Я сказал: Джулия... Джулия, – я сказал, – а, неужели нельзя попросить этого Мугму, чтобы он, в порядке исключения, как-то поменял ваши традиции? Мы, вон – пить на свадьбах бросили... А тут ещё... Ведь свадьба-то международная! Я бы тоже помолился, меня ещё в партию не приняли. Я бы очень сильно молился, Джулия, ведь я же люблю тебя. Я смотрю на её длинные-длинные ресницы. Слеза каплей повисла на кончике. – Нет, Саша, нет. Мугму рассердится...

Гости, гости, гости. Как много мужчин. Откуда их столько набралось? Только из Калликсо человек двадцать припёрлись. Сами, без женщин. Конечно, чего на такую свадьбу ехать со своим самоваром? В Доме культуры духовой, расставлены столы. И – не знаю, как это назвать – что-то вроде шатра прямо посередине зала, на возвышении. Там – роскошное брачное ложе. Обком достал для такого случая. Вообще, новость об изюминке свадебного обряда по-калликсянски поначалу родила замешательство в рядах аппарата исполкома. Но, после событий в Алма-Ате и Нагорном Карабахе мы поняли, что к национальным традициям нужно относиться очень бережно, с пониманием. Конечно, если бы речь шла, к примеру, о человеческих жертвах тому же самому Мугму, то мы были бы против. Нам такие свадьбы не нужны. Но тут, вроде, ничего особенного. Как будто цветной телевизор купить и платить – либо сразу всё, либо в рассрочку. Так уж лучше сразу, если есть возможность.

Мы приехали в Дом культуры, и я должен быть тамадой. Я должен приглашать к Джулии мужчин и ещё каждого благодарить. Павлик, лучший друг, заходи. Почему не можешь – это обычай такой. Нужно. А то Мугму обидится. Нет, я этого Мугму не видел. Ты заходи. Мугму, обычай, потом... эта... очередь волнуется... Нет, горячей воды нет. Откуда в Доме культуры металлургов горячая вода?.. Не идёшь?.. Ну, как знаешь...

Я не помню, кто за кем шёл. Отдельные лица иногда всплывают в памяти. Гизат Эбатович: галстук, пиджак, живот. Подошёл, переваливаясь, ко мне. Вручил цветы, поздравил.

Сказал: – вот как интересно: у нас, у казахов, свои обычаи. У них – свои... И, кряхтя, полез в шатёр. Был и Рапсодий Иванович. О! Рапсодий Иванович когда-то работал со мной и получил по ушам от кого следует за жажду перестройки за три года до перестройки. Проходя мимо меня, Рапсодий Иванович сделал вид, что выражает соболезнование и возился в шатре минут двадцать. Вермиклер прибежал, весь запыхавшийся: – я только туда и назад. Язю в буфете оставил, а сам к вам. Здесь же обычай. Куда? Сюда заходить?.. Вермиклер тоже со мной работал.

Свадьба была безалкогольной. Всё враки, когда говорят, будто бы на безалкогольную свадьбу люди собираются с неохотой. На нашу свадьбу собрался, как мне казалось, весь город... Уже прошли калликсяне, друзья, КГБ, ГАИ и местные органы власти. Уже прошли земляки и родственники товарищей по работе, а толпа у шатра все не уменьшалась. Подходили, говорили: – я вас знаю, вы на балалайке по телевизору выступали, мне можно?.. Я уже почти ничего не соображал. Мугму, Рапсодий Иванович, Калликсо – всё перемешалось в голове. Вот он, настоящий бал у Сатаны!..

Я захожу иногда в шатёр. Я свой человек, гости меня не стесняются, я же муж. Я вытираю Джулии лоб прохладной влажной салфеткой, пока какой-то мой новый товарищ поправляет свой оголтелый натурализм. Где же ты, Кесси?!..

Чьи-то руки жадно мнут тело Джулии. Каждый исполнитель моего безумного приговора, содрогаясь, как будто готов разбить, расплющить тёмную фигурку на роскошной арабской постели. Кто-то просит переменить позу. Заглянул Вермиклер: – моя Язя в буфете, по обычаю сколько раз нужно? Потом он, всё-таки, где-то напился, ходил среди столов, и, как я понимаю, в желании мне угодить, спрашивал: – ну, кто ещё невесту не е..., и он называл, конечно, всё слово полностью, до конца, чтобы все его поняли правильно...

Эти сутки июля я вспоминаю, как чудовищный сон. Сейчас, *в наше время*, разве *такое* возможно? Дикость. Да и абсурд, наконец. Я почти не удивился тому, что обо всех событиях, связанных с игрищами в угоду варварскому богу, все участники начисто забыли уже на следующий день. И, кроме разговоров о пышной международной свадьбе в Доме культуры металлургов – ничего, даже сна о том, что видел я, не осталось в головах впечатлительных актюбинцев.

И я побывал в Африке. В загадочной и полной чудес стране Калликсо. И мне, который видел только игрушечную речку Илек, облизывали ноги лазурные волны сразу двух океанов. Прозрачные и тяжёлые, они поднимались до небес и выбрасывали на берег цветы и драгоценные камни.

И только Павлик... Да... Павлик... Спустя три дня, после нашей с Джулией свадьбы в Доме культуры металлургов, его нашли мёртвым в машине. В собственной машине «Нива», цвета «голубая адриатика», где японский магнитофон мог без конца играть вам лучшие песни света. Они были лучшие, а так устроен этот дурацкий магнитофон, он играл их без перерыва. С начала и до конца. А потом менял дорожки. Павлик сидел, обхватив руками руль, и – слева от его губ – два красных пятнышка, две крохотные ранки запеклись, как порез от безопасной бритвы...

Врачи сказали (его, конечно, осмотрели врачи) – они сказали, что Павлик умер от О-ЭР-ЗЕ: видите ранки – типичный симптом, он ведь курил, правда? бросил? ну, вот видите, тогда,

конечно... вот вам и результат: бросил курить, вышел под открытую форточку... Змеи? какие змеи? Что вы! Откуда у нас змеи в Актюбинске?!

Папа Джулии, как мужчина мужчине, лично мне подарил сундук с красочными перьями. Перья эти волшебные, в них нужно показываться на балконе перед народом. Я теперь там, у них, сын короля. И теперь я хочу, чтобы меня, как и первого сына отца Джулии, отравили.

Чтобы отравили, как можно, скорей.

11—21 мая, 1988 г.

Сатисфакция

В Доме культуры железнодорожников проводили КВН. Меня пригласили в состав жюри. Когда я пришёл исполнять обязанности, то увидел там Наташку Ильичёву. Она ходила по фойе рассеянная, расстроенная. Я узнал её не сразу. Наташка давно уехала из нашего города, ни слуху не было о ней, ни духу. А тут вдруг появилась собственной персоной. Модная, эффектная. Оказывается, заехала из столицы на пару дней и её, как звезду, пригласили в жюри на КВН. Наташка пришла, а ей, в самый последний момент, сказали, что произошла накладка, извините, нет уже у нас в жюри ни одной свободной табуретки. И правильно. Чему тут удивляться. Когда Наташка победила на областном конкурсе красоты, ей нужно было дать главе областной администрации Аслану Спулаевичу, а не корчить из себя девочку-недотрогу. Вот и аукнулось.

Подумаешь, горе – слегка унизили. Но Наташка переживала. Ходила по фойе, кусала губы. Грызла бы ногти, да нельзя. Ногти должны быть в форме. А губам ничего. Даже гимнастика. Массаж. Я подошёл. Сто лет не виделась – всё равно узнала. Как никак – друг детства. Даже сказала, что подождёт, пока я отжюрию, посмотрит на этот чёртов КВН, и после мы поболтаем.

Во время соревнований меня попросили заполнить каким-нибудь текстом паузу. Я взял микрофон, повернулся к тёмному залу. Сказал, что не вижу юмора в том, что участники любятрядиться в женские платья и говорить со сцены девичьими голосами. Такое ощущение, что меньшинство стало большинством. И вообще – ориентация, как и национальность – дело интимное и кричать об этом со сцены дурной тон. Молодежная публика, которая с радостью выла и свистела по поводу любой шутки, летящей со сцены, никакой реакции не обнаружила. Наверное, я ляпнул что-то не то. Может, кого задел. Никогда не знаешь, как твоё слово отзовется.

Наконец, всё кончилось. Я не остался на чаепитие с высокопоставленными членами жюри. Меня на выходе ждала Наташка. Ждала. Я думал – смоемся. Чай мы попили у неё дома. Наташка вышла к чаю в халате, запахнувшись настолько небрежно, что чай проходил в меня кусками. Я с трудом допил чашечку. Наташа... Она, смеясь, убегала от меня, ставя на моём пути то стул, то стол или тумбочка вдруг оказывались между нами. Халат на теле Наташки вёл себя очень свободно: оказывается, под ним и не было-то уже ничего. Кроме Наташки. Поймал. Обнял. Вот они, грудки красивые твои... Затихли у меня в ладонях. Насторожились. Я вдохнул запах твоих волос и чуть не закричал: так сильно я тебя, любимую, вспомнил...

Мы когда-то дружили с Наташкой. Как и полагается, я был от неё без ума, а она относилась ко мне с прохладцей. Пары людей не могут сосуществовать, если относятся друг к другу одинаково. Наташка, стерва, чувствовала, что неотразимо на меня действует. Посмеивалась, подшучивала. Заставляла исполнять свои всяческие капризы. Мне не всегда это нравилось. Иногда, даже совсем не нравилось, но я слушался. Мы большую часть дневного времени проводили вместе, мне нравилось на неё смотреть, а, приблизившись, вдыхать запах её волос. Но где найти ту грань, за которую не захочет перешагивать ваша любимая, чтобы не сделать вам чересчур больно?

Кажется, что они, любимые, вообще не имеют представления о существовании болевого порога у мужчин.

Наташка изошрялась, не зная удержу. И я не понимал, зачем? За что? Ведь она не бросала меня. И каждый день, снова и снова она приходила ко мне. И вот однажды я не выдержал. Я понял, что дальше не могу этого терпеть. Что, если я сейчас же не найду выхода от переполнявшего меня чувства несправедливости, униженности, оскорблённости, то я просто могу задохнуться. Конкретная причина, вызвавшая у меня все эти негативные эмоции, уже не имела значения. Я чувствовал, что изо дня в день меня к этому подталкивали, разными способами меня пробовали на излом, от меня ожидали взрыва. Уже после, когда я стал совсем взрослым, я понял, что это обычная ситуация, не нужно принимать всё так близко к сердцу. Женщина не успокоится, пока не дожждётся взрыва. Ей нужен результат её же напряжённых трудов, она кропотливо капает на мозги и на всякие другие больные места неделями, месяцами. Женщине нужно видеть, как сорвался её мужчина, как он психует, крушит в доме мебель, матерится. На него можно тогда показывать пальцем соседям, как на взбесившегося шимпанзе и всем своим страдальческим видом говорить: «Зверь! Суций зверь! И я ещё с ним живу!...».

Место было вполне романтическое: травка, молодые клёны. Майская теплынь, солнышко сквозь листья. И, я уже не помню, из-за чего, что явилось последней каплей. Я не просто толкнул, я швырнул Наташку на траву и набросился на неё, да, именно, как зверь. Грохнувшись верхом к ней на грудь, я стал изо всех сил шлёпать её ладонью по голове. Тут ещё из глаз, совершенно не к месту, полились слёзы. Да, я вдруг заплакал навзрыд. И я ещё что-то кричал ей, мучительнице своей, которую я любил больше всего на свете, и которая ещё таким образом заставила меня испытать страдания.

Вообще, настоящие мужчины, когда бьют женщин, не плачут. Молод я тогда был ещё...

Наташка потом встала, отряхнулась, оправила голубое платье и ушла в своих и в моих слезах. Мы не встречались дней десять. Потом незаметно помирились. Если мужчина бьёт любимую женщину, и она его прощает, то это не оттого, что у них, у женщин, такое доброе, всепрощающее, сердце. Во-первых, она знает, что сама виновата. Во-вторых – ей нужно готовить мужчину к следующему взрыву, а для этого необходим определённый период затишья и совместной жизни.

Если вы уже били женщину, с которой знакомы или дружите, то это указывает на определённую у вас с ней степень близости. Может быть, это даже больше, серьезнее, чем близость половая. Подающий надежды тележурналист Олежка Спивак-Лавров однажды пнул ногой под зад на улице одну из своих поклонниц. Зима, мороз с ветром. Она, чтобы понравиться, в тонких колготках и в дублёнке, которая заканчивалась где-то на животе. Летела плашмя вперёд руками по гололёду – сзади метель поднялась из снежинок. Неизвестно, как бы девица оценила способности Олежки, окажись они в постели, но тут она однозначно не могла сказать, что ничего не почувствовала.

С Наташкой мы помирились. А, поскольку нас уже связывало что-то большее, чем дружба, я стал уговаривать Наташку окончательно мне довериться и отдаться. Аргументы были более чем убедительными: «Я тебя люблю» и «Тебе будет хорошо». На уговоры ушёл примерно год, но я всё-таки своего дождался. Однажды мы с Наташкой остались наедине в квартире, где, кроме стола и стульев ещё была и кровать. Мы легли в кровать поговорить,

и я снова, по привычке, так, на всякий случай, сказал: «Я тебя люблю, тебе будет хорошо». Наташка сняла трусы. Сошлись, видать, звёзды и все знаки зодиака. «Ух, ты! Подумал я...». И снял свои. Потом, собственно, было дело техники, а вот с ней у меня было слабовато. Всё-таки, в первый раз. Я влез на Наташку, которая слегка раздвинула ноги и безразлично смотрела в потолок. Ей бы в тот момент стакан семечек. Но мне было некогда заботиться об её досуге, я заглянул вниз и увидел предмет своих вожделений. Как я представлял, мне туда нужно было войти. Войти было чем: уже с полчаса мой первичный половой признак торчал гвоздём и требовал успокоения. Ну, я и вонзил его в Наташку острым концом. Против ожиданий он никуда не вошёл. Я ткнул ещё раз, другой, третий. Посмотрел на Наташку: «Тебе хорошо?». «Да», – ответила она, морщась. Я опять посмотрел вниз: да, вот она, девичья складочка, никаких волос, всё очень хорошо видно. А вот и я: прямо в эту складочку упёрся, вот-вот сломаюсь. Для порядка я ещё немного туда потыкался и с Наташки слез. Немного полежали. Разговаривать было вроде не о чем. Я чувствовал, что сделал что-то не так. Даже, как будто, ничего не сделал, а, если чего и сделал, так это – обидел девушку. И даже больше чем тогда, когда бил по голове.

Конечно – в первый раз. Откуда я знал тогда, что нужно ниже. Попросил бы Наташку больше раздвинуть ноги и ткнулся бы ниже пальца на два. Она бы послушалась. Я же обещал ей, что сделаю хорошо...

Вскоре пришли мои родители. Они с родителями Наташки ходили в кино, и нас оставили вместе, чтобы нам не было страшно. Я ходил тогда во второй класс, Наташка – в первый...

...Я вдохнул запах твоих волос и чуть не закричал: так сильно я тебя, любимую, вспомнил...

Тут я проснулся. Палата, капельница, полумрак. Колоть меня уже некуда, медсестра вечером нашла годный ещё сосуд на левой ноге, под ногтем большого пальца, пристроила капельницу. Боли я не почувствовал. Есть-таки плюсы в моём теперешнем состоянии.

Сестра дремлет в углу на кушетке.

Врачи боятся, что умру. Наверное, не исключено. Возраст. Говорят, человек столько живёт, сколько времени сохраняют активность его мозги. Если судить по моим снам, то мне ещё жить да жить. Сквозь годы мчась...

Сны и реальность, когда становятся воспоминаниями, одинаково недоступны, а по яркости впечатлений могут даже соперничать.

Мне нельзя волноваться, но я осторожно, чтобы не разбудить медсестру и чтобы не умереть, сосредоточился и, задерживая дыхание, позволил себе тихонько усмехнуться: «А, всё-таки, я добился тебя, Наташка!...».

24.12.2003 11:03

На снегу розовый свет

Хочу кровать. Нормальную. Нет, большую. И комнату. Для влюблённых должна быть комната...

Я бы хотела варить тебе. Что-нибудь вкусненькое. Я бы вкусно тебе готовила, как... себя. Вам, мужчинам, главное – это поесть. Ещё, чтобы было вкусно. И тогда вы можете, действительно, влюбиться в женщину. Прimitив. Но с ним нужно считаться. Скушай конфетку, милый. Нет, тебе лучше колбаски. **На** тебе колбаски.

– Нам нужен необитаемый остров. Комната – это хорошо. Особенно, если она с колбасой и с ванной. Вот жалко, что ты не пьёшь. Не пьёшь совсем?.. Говорят, главное – девочку напоить, а потом делай с ней, что хочешь...

– А что ты хочешь?

– Тихо, тихо, милая. Я так часто не могу. Давай лучше про остров. Океания. Пальмы. Коралловый песок. Через десять лет у нас своя деревня. Через тридцать – маленькое государство. И лет сто в нём никто не будет воевать, потому что ещё достаточно крепкими будут родственные связи.

С пальмы я буду сбрасывать тебе кокосовые орехи.

– Пальмы не будет.

– Почему?

– Я не хочу, чтобы ты **на неё** залазил.

Я изучаю тебя. Мы знакомы уже миллион секунд, но я тебя ещё совсем не знаю. Женщина женщин. Где у тебя эрогенная зона? Здесь? И здесь? И – здесь? Как, и здесь бывает?.. Но такого не бывает! Слушай, у меня есть апельсинчик, я его хочу попробовать с тобой. Нет, тебе я, конечно, дам. Я с **тобой** хочу. Я не глупый. Я маньяк. Нет ничего вкуснее апельсина с любимой женщиной. Вот... Н

а и тебе дольку...

Кровать – это, конечно, хорошо. Но скучно, как-то, по-мещански. И с той стороны она кровать. И с другой она кровать. Ну, как ты, к примеру, представляешь нашу жизнь с кроватью? Вечер, ванная, спальня, исходное положение. Никакого простора для творчества. Ты в троллейбусе пробовала? Представляешь – едешь в троллейбусе... Нет, мне все-таки очень нравится, что ты в троллейбусе не пробовала. И на чердаке. Да, у тебя полное отсутствие сексуального опыта. Я – верю тебе.

За окном зима. Позднее утро. Розовый свет низкого солнца на сверкающем снегу.

– У влюбленных должна быть комната. И я бы принимала гостей. Всех твоих друзей. У нас было бы много гостей.

– И я полгода, нет – год, собирал бы зарплату тебе на вечернее платье. Длинное вечернее платье с разрезами и вырезами. И с маленькими скромными бриллиантами. Я не боюсь, что тебя в нем увидят другие. Я горжусь тобой. Мне нравится, что у меня такая красивая женщина. Слушай, какая ты красивая... Давай на этом как-то сосредоточимся... Дай сюда одеяло. Отдай, я тебе говорю. Кругом невыносимая жара, а ты, как чья-нибудь любовница в советском фильме – в одеяле. Вот умница. И не прикрывайся. Такое прикрывать стыдно. Прости, но у меня нет сил долго разглядывать, ты – чудо...

У нас с тобой было две дачи. Две машины. Четверо детей. У тебя два мужа. У меня две жены. Мы угорели в машине. Умерли в один день. Как и хотели. Как и должно быть среди мужчин и женщин, если они друг друга выбрали.

К вечеру все опять стало розовым. И сильнее сжал скрипучие снежинки мороз. Среди пустынного поля стояла машина. Тихо работал двигатель. И в маленькой уютной кабине было жарко-жарко.

18.06.93 г.

Запах женщины

Когда-то и ликом твоим и станом пестрели обложки крупных журналов. В бывшей стране Советов, посоветовавшись, санкционировали публикацию твоего телесного совершенства. Изошрённый импортный купальник всю славу твоих неисчислимых прелестей приписывал исключительно себе. Я не сказать, чтобы влюбился. Я попался. Потому что ты – с обложек всех журналов. Даже «Огонёк» дерзнул откровенную тебя, счастливую, в том же самом, импортном, а, значит, всё равно, что без – на обложку. Из-за тебя, из-за греховно-божественной, тираж, на один только раз, целомудренный «Огонёк» увеличил на полмиллиона.

И я попался. Если бы не этот увеличенный тираж – быть может, обошло бы меня искушение. Но тираж увеличили, и потом, когда я увидел тебя живую, я попался.

И всё бы ничего. О чём может мечтать мужчина, если ему невыносимо понравилась девушка, женщина? Нет, не о том, о чём вы сразу подумали. Он мечтает об ответном чувстве. И – в это трудно, невозможно поверить, но чувством ты откликнулась ко мне. Любая другая бы – нет. Любая хромая, косая, замухрышка – любая из них отказалась бы от меня, если бы так восторженно я к ней сунулся.

Влюбись, если хочешь стать отвергнутым. А я, хотя и не влюбился, но... голову потерял.

Только при тебе у меня не получалось правильно совместить пуговицы на пиджаке. Только на тебя я боялся взглянуть. Случайное прикосновение ударяло меня вспышкой молнии. Проклятый «Огонёк». Я знаю, в принципе, он ни при чём. Это – карма. Судьбе сопротивляться бессмысленно. Я с радостью, милой, тебе не сопротивлялся. Ведь как я мог не поддаться на твои остроумные цитаты из Шопенгауэра и на беглое воспроизведение фрагментов из раннего Пендерецкого. Вы видели женщину, которая могла бы в себе совместить красоту, Шопенгауэра и Пендерецкого? Я бы всё опошил, если бы упомянул ещё и Сальвадора Дали, но не могу пойти против исторической правды: да, ты знала и любила и этого сумасшедшего.

Вот такая женщина была у нас в Актюбинске. Она родилась в нём, она в нём выросла. Она, жестокая, вышла замуж в этом городе, родила прекрасную девочку. В пять лет у девочки дивный голубой бант в золотых волосах...

Умница, с кем тебе было словом перекинуться, поговорить о кукольности в романах Набокова, о разнице между Караяном и Фуртвенглером. Со мной, милая, только со мной. Ведь я тоже родился и вырос в этом удивительном городе...

Но замужество – это ещё не недостаток. Все хорошие женщины всегда замужем. Твоим недостатком было... Не знаю, как это сказать. Сейчас можно. Это в прошлом у тебя. Об этом знали все, кроме тебя. Я, правда, до сих пор не знаю, был ли муж в курсе. Ну, чего не может знать муж о своей женщине, если об этом знали, знают все, кто её видел близко живую и совершенную? Об этом знали все, и на работе по за глаза тебя даже прозвали «вонючкой». Обложка журнала не передаёт всех подробностей и потому тираж «Огонька» не мог попасть в зависимость от запаха. Но... ведь, правда, это было ужасно. Где бы ты ни появлялась –

всюду распространялся этот резкий удушливый запах. От стройной длинноногой богини за версту несло запахом немытого потного тела. Молодого.

Сразу перейдя на твою сторону, я объяснил всё просто, буднично: нет у тебя, у совершенной, любовников. А мужа я видел. «Новый русский» – какое ему дело до того, чем пахнет женщина, вид которой, даже в купальнике, заставил ахнуть 15 республик бывшего Союза.

Ты откликнулась чувством ко мне, а я стал ломиться в открытую дверь: я приносил тебе цветы, всякие подарочные пустяки, даже пару канцон напел в звукозаписи. Я, не прося твоей руки, молил о прикосновении губами к умным коленям в «Sanpellegrino». Ты отстранялась, шарахалась, потому что у тебя был муж «новый русский» и оттого, видимо, и все мужчины были противны. Отталкивая меня, и в то же время, прибегая ко мне днём среди дождя и даже однажды – в глухую полночь, ты, как заклинание, всё же твердила, что любишь его: «Я люблю мужа. Я люблю мужа. Я вышла замуж по любви, я очень люблю своего мужа». Со своим мужем ты была уже на волосок от лесбиянства, но говорила, говорила мне, стиснув в руках тонюсенького Аронсона: «Я люблю мужа».

Поцелуй – это уже близость. Даже спустя год я не мог пробиться к твоим губам через этот глупый в наше время, архаический, консервативный заслон: «Я люблю мужа».

Я натворил к тебе горы посланий. Я тысячи раз терял надежду и снова воспламенялся от твоего доверчивого визита, короткого телефонного звонка. На сколько может хватить взрослого мужчину, если в течение года не дать ему даже поцеловаться? И только потому меня и хватало, что время от времени снимали с меня напряжение Аннет, Лизетта... А тянуло к тебе...

Я как-то неожиданно тебя потерял.

Из города Актюбинска под видом русских уезжали сплошным потоком все, кто думал, что в России не нужно будет на каждом шагу вспоминать свою неудачную национальность.

Твой «новый русский» предусмотрел всё заранее. Собрал и тебя и вещички. И дочку очаровашку свою с огромным голубым бантом. И увёз. И я даже не знал, куда. Из никому в мире неизвестного Актюбинска люди уезжали в никому в мире не известные российские города.

Мне было жалко, больно. Но у нас так и не случилось близости, свойственной мужчинам и женщинам, и потому можно было сносно жить и с болью и с горечью.

Но как-то в мае я поехал в Москву. Командировка. По улицам российской столицы бродили толпы разных патриотов. Одни размахивали красными флагами, другие бесстрашно им в ответ огрызались и чем-то махали в ответ. Евреи, как всегда, на всякий случай, прятались.

Я осторожно пробирался через обозлённых застрельщиков и апологетов, и вдруг волнение пронизало меня. Я услышал запах. Мой знакомый любимый запах. Запах твоего тела, который нельзя было спутать ни с чем, узнать из тысяч. Мне показалось, этого не может быть (я сказал себе так), а сам уже шёл, уже бежал навстречу ему. Пусть долго, да, пусть полчаса или больше того, неизвестно на сколько, я летел к тебе (к чёрту его, Шопенгауэра!), я боготворил этот твой удивительный запах, который был ТЫ.

И я нашёл тебя. На тихой улице с высокими сильно-зелёными деревьями ты гуляла со своей прелестной дочуркой. И, когда ты увидела меня, ты уже не сдержалась. Лицо моё и волосы были мокрыми от твоих слёз. Бесстыдно и бессовестно ты целовалась со мной на улице, долгожданно стиснув коленками мою растерявшуюся ногу.

Мы поженились с тобой. Да, ты бросила мужа. Мы уехали обратно в Актюбинск, и милый твой ребёнок очень быстро стал говорить мне «папа» и крепко и сладко обхватывать меня за шею, когда я возвращался с работы. И я постарался полюбить, любить тебя так, чтобы тебе не нужно было убегать в полночь куда-то, чтобы рассказать в пустоту, как сильно ты меня любишь.

И – что интересно, что странно... У тебя исчез твой специфический запах. После первого со мной поцелуя, первого объятия. Скептики улыбнутся. Ведь бывший твой муж, возможно, также пропускал мимо ушей эту своеобразную твою природную особенность.

Но... нет. Я так не думаю. Цветок должен цвести и пахнуть, пока не случится то, для чего он раскрыл свои лепестки. И кто знает, каким способом высшие силы могут заставить нас последовать своей карме.

31.03.97 г.

Я тебя люблю

Коридор. Дверь в офис. У двери мужчина и женщина. Может, это мы с тобой. Может – какие-то посторонние. Стоят, как будто беседовали, и возникла пауза. Пауза, когда двое молчат, но, как будто продолжают о чём-то говорить друг с другом. Они могут так стоять и говорить часами. Но нет, они не могут позволить себе такой роскоши. Нужно уходить. Нужно расставаться. Ещё секунда. Ещё мгновение. Оно короче, но сладкое какое! Какое горькое...

Лицо мужчины. Оно обыкновенное. Оно необыкновенное для женщины, которая напротив. Мужчина смотрит на женщину так, будто хочет сильнее отпечатать у себя в памяти её облик. Не жадно – нет. Слово «жадно» здесь не подходит. Наверное, внимательно, бережно. С любовью?

У неё взгляд другой. Она ещё чуть-чуть здесь, с этим мужчиной, который ей близок. Наверное, очень близок. Но мыслями женщина уже где-то в другой жизни. Хотя сейчас она переживает. Наверное, она тоже не хочет уходить, не хочет этого расставания.

Мужчина касается пальцами лица своей хорошенькой женщины. Своей? Средним пальцем проводит по левой её брови, как бы приглаживая её. Потом – по правой. Ещё – тыльной стороной пальцев, той, где тоньше, нежнее, чувствительнее кожа, проводит по щеке.

– **Он** тоже может так тебе делать?

– Да... И не только...

Рука мужчины медленно соскальзывает вниз. Она движется по телу женщины, приостанавливаясь, как бы задумываясь. Летняя кофточка. Джинсы – сначала ремень. Потом – жёсткий металлический замок-молния. Замок кончается. Пальцами слышно: да, он кончился. Можно найти, где он начинается, нащупать собачку, потянуть её вниз. Скобы разваливаются. Светлые, тонкие плапочки. Ладонь судорожно, требовательно уходит туда, плотно обхватывает лобок. Женщина вздрагивает, сжимает ноги от неожиданности, потом расслабляется. Да, да, можно. Нужно. Я этого хочу. Я всегда этого хочу. Я хочу, чтобы всегда твоя ладонь была здесь, была со мной...

С улицы доносится сигнал машины. Резкий. Недалеко окно. Хорошо слышно. Мужчина целует женщину и жадно, да, на этот раз, действительно, жадно, удерживает ладонью её лобок, сжимает его.

Женщина отстраняется. Прячет глаза: мне нужно идти... – Да, понимаю. Мужчина помогает ей привести себя в порядок, застёгнуть молнию. У него сумочка, пока женщина, держа перед собой маленькое зеркальце, подкрашивает губы, слегка припудривает лицо. Тушь расплылась. Да, нужно ещё поправить волосы. Так. Кажется, всё в порядке...

Часом раньше...

Малозэтажное современное здание. Внутрь входит молодая стройная женщина. Сколько ей? Да, лет двадцать пять, но – не более тридцати. Ну, в крайнем случае, тридцать

один. Джинсики в обтяжку, батник и, если приглядеться – без бюстгальтера. Красивая грудь – зачем сковывать?

Женщина поднимается по лестнице. У неё подавленное состояние. А так вроде ничего. Поднимается уверенно, попка подчёркивает, вычерчивает: ах, какая прелесть, эта женщина! А женщине плохо. Виду она не подаёт, но это заметно. Подойти бы, отвлечь, развлечь. Увлечь. Шла бы в настроении, радостная – непременно бы кто-нибудь подошёл, спросил, который час, поделился бы соображениями насчёт погоды. – Вы к нам? А в какой отдел? Нет, не подошел никто. Мужчины, если и были на пути, просто цепко охватывали её взглядом, получали от этого своё привычное мимолётное удовольствие – и только. Много ли им надо для счастья, этим мужчинам?.. Нет, никто не подошёл. Никто не подошёл, не спросил, как её зовут, и не представился сам, распуская хвост.

Женщина прошла одна по коридору, остановилась у двери с табличкой. Нет никакой разницы, что на ней написано, табличка – и всё. Ясно, что кабинет. Женщина поправляет причёску, надавливает на ручку двери. Дверь открывается.

Кабинет. За маленьким столиком в креслах сидит знакомая нам женщина. С ней мужчина. Слегка элегантный, чуть солидный. Солидный по виду, не по комплекции. Видно – начальник, но этой женщине старший товарищ, даже, наверное, друг. Кофе, лимончик, раскрытая коробка шоколадных конфет. – Шампанское будешь? – Не знаю... Достает шампанское (из-под стола, из холодильника, а, может, у него и бар там есть). Потихоньку пьют из широких, плоских фужеров.

– Я приехала из командировки, было уже поздно, я сильно устала. Хотелось поскорее принять душ и лечь спать. Я уже под душем спала. Кое-как добралась до постели. А он начал приставать. Он, конечно, не спал, всё ждал меня. Ждал, когда приеду из командировки, ждал, когда выйду из ванной. А я хотела спать. Я не могла. Я очень устала... Он злился, лез, упирался ко мне в бёдра, в живот своим железным концом. Я стала плакать, просила его меня не трогать, умоляла подождать до завтра. Я понимала, я – жена, я только просила – завтра, давай завтра!.. Он стащил меня на пол, ударил. Потом насиловал долго и больно.

Женщина не выпускает из рук платочек и прикладывает его то к глазам, то к носу. К чёрту вся косметика. А духи... Какие приятные у неё духи...

Наверное, она пришла именно к тому мужчине, который может найти для неё слова утешения. Он их ей говорит, присаживается на корточки напротив, заглядывает в глаза. Видно, что ему нравится смотреть в эти глаза. Какие красивые у неё глаза – думает мужчина. Он говорит женщине: какие красивые у тебя глаза. Он гладит её колени, обтянутые тонкими эластичными джинсами. Поправляет волосы, которые, как ему кажется, скрывают от него лицо. А ему хочется без конца смотреть на это лицо. Он думает, что у женщины очень красивое лицо. Возможно, самое красивое.

Мужчина встает. Дальше происходит то, что, кажется, совсем неприменимо в данной ситуации. Может быть, в каких-то иных обстоятельствах. Но не сейчас, не здесь...

Мужчина поднимается, расстёгивает брюки. Женщина ещё раз прикладывает платочек к глазам и к носу. Откладывает его в сторону, на столик. Поднимает к мужчине глаза: у тебя дверь закрыта? – Да, конечно.

Мужчина ошибается. На самом деле он хотел закрыть дверь и забыл. Но и он, и женщина уже вне времени и вне замкнутого своего пространства. Вернее, незамкнутого. Как к роднику, как к животворящему источнику припала к мужчине его самая красивая, самая лучшая. Со стороны это выглядит, конечно, не очень. Да и не нужно, чтобы такое видел кто-то со стороны. Но по коридору идёт какой-то тип в костюме, возможно, даже начальник нашего начальника. В руках у него бумаги, их нужно занести именно в этот кабинет, посоветоваться...

А женщина всё никак не может успокоиться, не может утолить своей жажды. Она же не знает, что дверь кабинета незаперта. И её мужчине не до того. Ему сейчас хоть последний день Помпеи.

Хорошо, что типа, почти уже у самых дверей, останавливает, наверное, секретарша. Показывает ему какие-то другие бумаги. Тип уже взялся за ручку двери.

А любовники... Наверное, их уже можно так называть? – а любовники – вот-вот... сейчас... ещё минутку...

Секретарша густо накрашенными своими губами ещё что-то говорит типу, потом улыбается так, что он забывает про свои дела в кабинете. Тоже расплывается в улыбке и уходит за ней, которая, как фотомодель и проститутка в одном флаконе, и только мёртвый не пошёл бы за ней следом, куда бы она ни пошла, даже в ад, куда обычно и заводит мужчин природное отсутствие к таким женщинам бдительности, самомнение и сопливая доверчивость.

В кабинете же всё закончилось. Женщина вытерла губы платочком. Ещё раз промокнула глаза и покрасневший носик. Помадой поправила рисунок на губах. – Кофе? – Нет, мне уже нужно идти. Мужчина подходит к двери, чтобы её открыть и обнаруживает, что он и его прекрасная гостья, оказывается, минут двадцать, очень рисковали. Дверь незаперта, но, кажется, всё обошлось.

А это вообще бред какой-то.

Два мужика сидят в гараже, выпивают и закусывают. Обстановка самая обыкновенная: ящик, на нём пузырь водки, лук, куски хлеба, крошки, разумеется. Соль осыпавшейся горкой. Всё это интеллигентно, на газетке. В стаканы наливают по чуть-чуть, чтобы не просто нажраться, а и поговорить. Сами тоже на какой-то таре, укрытой тряпками для мягкости, сидят.

Над ними, прямо над ящиком, повешенный. Вернее, повесившийся. Время летнее, а он почему-то в пальто, но босиком. Вообще-то, он немного мешает. Потому что почти над закуской. Иногда приходится рукой эти бледные, с синевой, ноги чуть отодвигать, чтобы дотянуться до хлебной корочки, потом выпиваешь, разговариваешь на разные темы, а они, ноги, продолжают раскачиваться. Пусть не сильно, но с мысли сбивают. Один из мужиков то ли хозяин гаража, то ли родственник пострадавшего, наверное в курсе, почему в помещении такая обстановка случилась. Понятное дело, после второго-третьего захода вопрос этот и возник: нет, не почему в пальто, а почему у покойника сперма из ушей? Ответ прозвучал так (да, вообще, типа беседа получилась):

– Жену сильно любил, а она ему не давала.

– А что, в посёлке других баб больше не было?

– Были. Он эту, жену свою, любил...

СНЫ

Речка. На берегу, у костерка, опять-таки, мужики. Трое. Почти репинская картина. Только здесь рыбаки. У них при разговоре меньше, чем у охотников, агрессии, кровожадности. Мужики обыкновенные, ничего в них особенного. Правда, у одного из них рога. Пара стройных длинных рожек. В остальном он, как все: куртка, штаны, свитер, небритость на лице. Все мужики спокойненько так разлеглись, расположились к привычному рыболовному трёпу. Сказать, что без водки, значит, соврать, так же, как и тот, кто сейчас рассказывает. Однако, не про рыбу. Может, даже, и не врёт...

– А к Лизке Герег по ночам муж приходит. Покойный. Уже недели две. Она его не видит, только по ночам шаги по комнатам. А Лизка его шаги знает – точно он. Дышит, трогает вещи, один раз даже стул уронил. Лизка боится. Спать ложится с детьми. А однажды не выдержала, встала, пошла в темноте на шорох. Остановилась, а, может, её даже кто-то остановил. Ноги к полу как приросли. Ужас в сердце пошёл, словно кто льдом прикоснулся. Волосы на голове встали. А Лизка, через страх не сказала, а провыла – голос не слушался: Михай, ты зачем сюда приходишь? Зачем меня, детей пугаешь? В комнату через окно свет проник от луны, неяркий, но видно, что Михай стоит в том костюме, в котором его хоронили. Покупали ещё к свадьбе старшей дочери. И – в белых кроссовках. Откуда кроссовки, он их уже износить успел, как на свадьбу надел первый раз... А хоронили его в туфлях. Может, он их, кроссовки, искал, ходил по квартире по ночам? А Михай и говорит: не бойся, Лиза. Я, говорит, больше не буду приходить. И тут с потолка снег пошёл. И сыпется, сыпется, крупный такой. Луна светит – хорошо видно. А на улице лето. Июль.

Так он ей и не сказал, зачем приходил. Но беспокоить перестал. Утром во дворе Лизка Музгарку дохлого нашла, собаку Михая. Наверное, он его с собой, вместе с кроссовками, забрал.

– А мне по ночам – это уже другой мужик рассказывает – часто один и тот же сон снится. Дом высокий, многоэтажный. И у него крыша, как на скворечнике. Я на ней, и сползаю к краю. Вокруг черепица, за неё никак не ухватишься. Ещё чуть-чуть – и оборвусь, вниз рухну. И надежды никакой. Так и просыпаюсь. Одеядо в руках так сжато, что жена пальцы грудями отогревает, чтобы окончение прошло.

Такой рассказ, естественно, не обходится без комментариев. Вроде таких, что, мол, если бы ты жену перед сном за груди потрогал, так не пришлось бы потом и на крышу лезть – ну, и всякие, обидные для мужика – вроде, как шутка – вещи. Вот и рассказывай после этого о сокровенном.

И тут в беседу включается тот, что с рогами. Молчал, молчал – не выдержал.

– Вот вы, мужики, держали ли вы когда-нибудь в руках свои яйца? Это я так, чтобы вас настроить. Знаю, держали. Ощущение всем знакомое. Так вот, мне на-днях приснилось, что я свои яйца держу в руках перед собой. В мошонке, тёплые такие, перекатываются под морщинистой волосатой шкуркой. И, где-то в метре от того места, где им положено быть. Стало быть, то ли оторваны, то ли отрезаны, но со мной, у меня в руках – вот они. Мне страшно: жизнь потеряна. Яйца оторвали – как без них? И в тоже время, внутренний голос подсказывает, что я ещё могу их назад поставить. Но не сразу, не сейчас. А пока, какое-то время, мне нужно побыть вот в такой ситуации – я отдельно, а мои яйца – отдельно. Во сне яйца ко мне так и не вернулись. Я даже их приставлять на место не пробовал. И проснулся, конечно, в мужском ужасе, как вроде, в самом деле, через эту пытку прошёл. Это, скажу я вам, не с крыши падать. Но хорошо, что осталось в памяти то, что внутренний голос говорил. Что всё у меня наладится...

Нагашпай

Со стороны реки раздаётся крик. Оказывается, не все рыбаки сидели у костра. Один из них решил искупаться. И купальщика звали Нагашпай. Его тут нужно выделить особо. В посёлке Нагашпай славился тем, что у него был очень большой член. Лина Бесхозная утверждала, что самый большой. Итак, купался, купался, Нагашпай, никого не трогал, потом – как закричит! Как торпеда, поплыл к берегу. Кричал даже тогда, когда лицо окуналось в воду. Тогда торпеда булькала. Когда, насмерть перепуганный, Нагашпай выскочил на берег, рыбаки покатались со смеху. Сразу, пока он плыл, тоже испугались, думали – как спасать, а когда он на берег выскочил – стали вдруг ржать над его несчастьем. Нагашпаю щука – длиннющая такая – около метра – член заглотала. Так он с ней на берег и выскочил. Перепуганный, глаза из орбит, а между ног – щука болтается.

Рыбаки вокруг костра повалились, ржут – слова сказать не могут. Потом один из тех, что без рогов, выдавил из себя: Моника Левински!.. И опять закатился в истерику, аж слёзы из глаз.

Когда отсмеялись, стали думать, как помочь другу освободиться от своего улова. Дельфин и русалка – они, если честно, всё-таки не пара. Выглядел Нагашпай, конечно, весьма презентабельно, однако жить в таком виде было нельзя. Нагашпай уже успокоился, говорил, что не больно, только всё произошло неожиданно. Раз не больно – хотели просто подружку сдёрнуть, но не тут-то было. Нагашпай за неё ухватился, как вроде дорожке этой рыбы у него в жизни ничего не было. Вот ведь: и знакомы-то они с этой щукой всего минут пять, а уже – как родня.

Однако решить проблему через врача, Нагашпай всё-таки согласился.

И отвезли его к медсестре Антонине. К Тосе.

У Тоси

У Тоси в кабинетике чистенько. Занавесочки беленькие. На кушетке белая простыночка. Ванночки с инструментами беленькие. Инструментики холодные, блестящие. Сама Тося – с длинными обесцвеченными волосами, в белом халатике. Ох, как она испугалась, когда увидела Нагашпая с его уловом! Обычно медсёстры ничему не удивляются, хоть разложи перед ними человека по частям, а у Тоси прямо лицо сделалось под цвет халата. Видать,

необычное сочетание действовало. Щука отдельно – ничего. Отдельно пенис – тоже нормально. А вместе получается на живом человеке, с которым, можно сказать, Тося сидела за одной партой, на этом человеке – пособие по Сальвадору Дали.

Устроила Тося бесштанного Нагашпая в кресло, на котором женщин рассматривают, звякнула из ванночки скальпелем...

Тут нужно отметить одно обстоятельство. Тося никуда из кабинета не выходила и за ширмочку не пряталась. Но халатик у неё сделался несколько иным. Он остался точь-в-точь таким, как был, беленьким, по фигуре сшитым, только стал заметно прозрачнее. Настолько, что обнаружился прекрасный Тосин загар и бельё тонкое, праздничное, как для свидания.

А дальше всё продолжалось, как обычно. Тося чиркнула по щуке несколько раз скальпелем, сильными пальцами с треском разломила щуке голову и освободила пациента, который опять успел побледнеть и покрыться капельками пота. Упал бы, если бы не лежал.

Сполз Нагашпай с кресла, присел на край кушетки, дышит тяжело от нового, пережитого от операции, страха.

И тут снова нужно отметить одно, опять связанное с Тосиным халатом, обстоятельство. Медицинская одежда, кажется, стала ещё прозрачнее. Но... под ней уже не было этих непрочных эротических тряпочек от Роберто Кавалли! Только смуглое голое Тосино тело. Но – ах! Какое тело!..

Медсестра отбросила окровавленную, растерзанную щуку в специальный белый таз и вдруг посмотрела на Нагашпая глубоко, будто заглядывая внутрь. И как-то странно, с болью, которую ей не удавалось скрыть. Ей показалось, что он отводит, прячет от неё глаза.

– Нагашпай, – спросила Тося друга детства, – Нагашпай... Она сразу не решалась спросить, но потом всё-таки набралась смелости:

– Нагашпай... Тебе с *ней* было хорошо?..

В поле рассвет. Несколько тучек окрашиваются на горизонте в тёплые краски. Потом в светлой его части загорается искорка, которая через несколько секунд превращается в Солнце.

Невдалеке затарахтел на тракторе пускач. Двигатель завёлся, зафырчал, потом трактор, слышится, поехал.

А вот и он. Гусеничный, тащится по полю. Без всяких там сеялок, сенокосилок. И – без водителя. Да, что удивительно – водителя в тракторе нет. Этакий Летучий Голландец целинных полей. Хотя, если присмотреться, никакого чуда здесь нет. Машина на скорости, двигатель работает, а педаль газа утоплена и зафиксирована дощечкой.

А вот и сам шутник-затейник в каком-то странном головном уборе. Бежит за трактором. Догонит. Трактор идёт медленно. И правда, водитель нагоняет своего громыхающего беглеца... Потом – как будто собирается попробовать с ним наперегонки – вырывается вперёд. Даже обгоняет на десяток шагов. Потом... ложится на пути трактора, под его правую сторону. Ногами к машине. Теперь водителя догоняет трактор. И – перегоняет, безразлично прокатившись зубьями траков по телу хозяина, которое хрустнуло, лопнуло. Кровь брызнула из-под гусениц, голова откатилась в сторону.

И вот – то же самое поле. И солнце уже высоко. На месте происшествия милиция, врач в белом халате, несколько жителей из посёлка. Останки тракториста уже на куске полиэтилена. Двое мужчин берутся за края, поднимают и перекладывают на носилки окровавленную кучку мяса, костей и одежды. Один из милиционеров отходит в сторону, что-то подбирает. Это голова мужчины. На ней пара стройных длинных рожек. Удобно носить. Милиционер так её и взял – за рога. И отнёс, положил туда, где одежда и кости...

Позже нашли трактор. Он так и полз по полям, которым здесь ни конца, ни края.

Коридор. Дверь в офис. У двери мужчина и женщина. Только что они вышли из кабинета. Кажется, он её целует. Целует, а потом отстраняется и смотрит, смотрит, смотрит в лицо, в глаза. С улицы доносится сигнал машины. Противный, резкий, требовательный. Или это только так кажется? Ещё раз взглянуть ей в лицо, задержать в памяти. Да не на всю жизнь она уходит. На одну ночь. Придёт. И придёт ещё не раз. И ты, мужчина, будешь делать с ней всё, что захочешь. О чём не может и помыслить её муж, который сигналил сейчас там, на улице, вызывает свою жену, а она, как всегда, возится в этом ЗАО или ООО, нет на неё никакого терпения.

Да, он муж и – деваться некуда – надо расставаться, отпускать к нему эту милую женщину, в чужие объятия.

– Я тебя люблю, – говорит ей мужчина, продолжая на неё смотреть как-то неприлично, бесстыдно, откровенно. От одного такого взгляда можно забеременеть... – Я тебя тоже, – отвечает женщина, глаз на него не поднимая. Уходя к другому мужчине, она не может посмотреть в ответ на своего любовника. Частью своих мыслей, тела, она уже там, на улице. Она уже сбегает по лестнице...

Да, уже невозможно дольше здесь оставаться. Проклятая машина сорвёт голос. Причёска, одежда – всё это поправляется уже на ходу. Похорошевшая от всех переживаний, возлюбленная женщина уже сбегает по лестнице, вот она уже во дворе, где у машины топчется тот самый муж. Он просовывает руку в яркую сиреневую «Лянчу», чтобы посигналить ещё раз.

Нет, уже не надо...

Литературные встречи

Или начать так: «Я очень баб люблю, они смешные и умные...»
Веничка Ерофеев

Поднимаюсь по ступеням. Одиннадцатый этаж. Лифт, конечно, не работает. В элитных домах всё тоже, как у людей. В карманах у меня бутылка коньяка, шоколадки. Нужно бы цветы, но вдруг муж дома. Один раз уже нарвался. Инны дома не оказалось, дверь открыл муж. От неожиданности сунул ему шоколадки: «Это вам с Инной Сергеевной...». Вообще шоколадки предназначались детям – Алёнке и Катеньке. У Инны Сергеевны, кроме прекрасной груди и умненькой головки ещё есть две дочурки. И – муж. Павел Антонович, бизнесмен. Наверное, средний. Потому что в его элитном доме не работает лифт. Но зато на лестничной площадке телекамера. Сейчас, когда я доберусь до этого проклятого одиннадцатого этажа, на меня вначале будут смотреть через маленький телевизор.

Инна Сергеевна – очаровательная молодая женщина, преподавательница всяческих литератур в университете. Защитила кандидатскую по Набокову. Читала мне отрывки. Мужу такое читать бесполезно. А мне полезно.

Когда Инна Сергеевна читает, я даже её не слушаю. Она красива. Это и субъективная, и объективная оценка её внешности. Мягкие – я думаю, я никогда их не касался – мягкие, слегка вьющиеся, тёмные волосы. Почти всегда открытые плечи. Не шея – *шей-ка*.

Я не слушаю Инну Сергеевну, когда она читает мне про своего Набокова. Я ей люблюсь. «Посмотри, как я люблюсь тобой – как Мадонной Рафаэлевой!...». Сказать, что я в неё влюблён – нет. Я себя уже спрашивал об этом – нет. Но мне нравится смотреть на неё, слушать. Это я, конечно, слукавил, что тексты этой милой женщины я пропускаю мимо ушей. Есть взаимосвязь: она для меня становится красивее с каждой фразой. Когда она рассказывает о Набокове, Гоголе, её ноги удлиняются на глазах. Талия становится уже. Голубые глаза – ярче. Я думаю: «Где ещё можно найти, встретить такую женщину? – Нигде!».

У Инны Сергеевны потрясающий папа. Он учёный-физик. Чего-то там изобрёл, и в Канаде использовали его прибор при очистке Великих озёр. У нас бы убили.

Папа Инны Сергеевны однажды решил, что всякому культурному человеку необходимо в жизни знать 100 стихотворений. Иначе – что это за жизнь?

Он их выучил. Как-то я стоял с этим сумасшедшим, вечно вдохновенным физиком на автобусной остановке и в его исполнении слушал малоизвестного Лермонтова. Стихи были длинными. Мы пропустили два автобуса.

Папа Инны Сергеевны чуть старше меня. Он бегаёт по утрам, и уже в третий раз женился. На своей студентке, которая родила ему мальчика и продолжает смотреть на своего кумира восторженными глазами, кажется, до сих пор ещё не веря своему счастью.

Я же всё никак не соберусь побежать. Зимой жду лета, осенью – весны. Бегаю по бабам. Это всесезонно. Тащусь вот, сейчас, на 11-й этаж, кряхтя, проклиная всё лифтовое хозяйство. Нет, ну, раньше с этими этажами было всё-таки попроще. «Было небо ближе, были звёзды

ярче...». А небо – оно, пожалуй, стало ещё ближе. Ну – не рукой пока ещё подать, но высота уже чувствуется – разрежённый воздух...

В кармане у меня две шоколадки. Я предварительно звонил. Мужа дома быть не должно. Уехал за товаром. Инна Сергеевна рассказывала, что у него есть пистолет. Так, маленькая подробность, деталь. Везёт же мне. Как-то дружил с девушкой, у которой, как я узнал чуть позже, муж сидел в тюрьме за убийство.

Может быть, этого тоже посадят. Жалко – такой молодой. Ему бы ещё жить да жить. И жизнь-то – только начинается. Джакузи недавно установил. Этот Павел Антонович легко может оказаться жертвой болезненных домыслов, беспочвенных подозрений.

Ведь у нас ничего не было и нет с Инной Сергеевной. Мы даже не целовались. То, что я смотрю на Инночку, когда она читает про своего Набокова, что я представляю её всю, какая она есть, под кофточкой и джинсами, когда она в кофточке и джинсах, и какая под халатом, когда она в халате, ещё ничего не значит, и этого к делу не пришьёшь.

Коснуться, провести кончиком пальца по кофточке там, где под тканью, напротив – сплюснутый лифчиком сосочек...

Все мужчины чего-то всегда себе представляют, можно прийти в ужас, если показать это по телевизору, но это норма, без которой мужчина как вид существовать не может.

Инна Сергеевна открывает дверь. Я сразу вижу её улыбку. Главное, из-за чего человек может понравиться сразу – это от улыбки. Вот Инна Сергеевна мне когда-то так сразу и понравилась.

У меня хобби – я смеяться люблю. Инна Сергеевна тоже. Значит, у нас много общего. Кстати, о весёлом: какие сегодня на Инне Сергееве плапочки?.. Красный тесноватый топик, короткая джинсовая юбка, колготок нет, всё по-домашнему. Черные бровки, конечно, подведены, реснички распушены где-то в пятикратном размере от первоначального состояния. Подрумянены ли щёки? Или это румянец естественный? От радости, от волнения, что меня, задыхающегося от счастья, увидела?..

Тут же под ногами начинают путаться Катя и Алёнка. Берите, детки, шоколадки. Интересно, как они про меня потом папе рассказывают? Подозреваю, что существует какая-то особенная женская порука. Не нужно обманываться, будто пяти, тем более семилетняя девочка – это такой несмыслёныш, которому можно запудрить мозги любой складной байкой. Это уже Тайная Планета, это уже Женщина. Планета-Полная-Тайн...

Привет, говорю, Инна Сергеевна. Я тебе принёс Веничку Ерофеева.

Мы проходим на кухню. На столе уже что-то из лёгких закусок. Меня ждали. Мелочь, а приятно. По чуть-чуть коньячку. Инна Сергеевна написала небольшой рассказик, ей хотелось мне его прочитать. Она забыла, что один раз я его уже слушал, а я, улыбаясь, промолчал. И прослушал ещё. И в этот раз её коротенькая вещичка понравилась мне ещё больше. И я был рад, что не нужно напрягаться, придумывая слова одобрения. Новые, искренние слова нашлись сами собой, Инна Сергеевна радовалась, как ребёнок.

Я не влюбился в Инну Сергеевну, мне просто нравится на неё смотреть. Она сидит на стуле и ощущает мои глаза на своих голых коленках.

Так в каких же трусиках сегодня этот ребёнок, мать, жена и кандидат наук?

– Слушай, – зачитываю я ей из Ерофеева:

«Окно в Европу было открыто Петром в 1703г и 214 лет не закрывалось».

Я знаю, что Инне Сергеевне это должно понравиться, как и мне, и произношу фразы так, будто передаю чего-нибудь вкусненькое, чего попробовал сам и теперь хочу, чтобы и она ощутила этот замечательный вкус.

Я читаю ещё:

«А я глядел ей вслед и ронял янтарные слёзы».

«И ещё раз о том, что тяжёлое похмелье обучает гуманности, т.е. неспособности ударить во всех отношениях, и неспособности ответить на удар».

«Ценить в человеке его способность к свинству».

Конечно, как тут не улыбнуться. Инна Сергеевна делает это вслух, по-детски хихикает. У этой малышки весьма эротический смех.

Между нами стол. Я нахожу возможным пересесть поближе, рядом, чтобы невзначай поцеловать оголённое плечико Инны Сергеевны. Это такой пробный поцелуй. Если Инна Сергеевна позволит себе мне это позволить, то потом можно и в шейку.

У нас, у мужиков, всё одно на уме.

Веничка:

«Когда камыш только шумит, гнутся деревья».

«в чём-то соглашаюсь с Вильямом Шекспиром, но кое в чём и нет».

А поцеловать можно и в смеющиеся губки.

«Ведь блядь блядью, а выглядит, как экваториальное созвездие».

«Когда Господь глядит на человека, он вдыхает в него хоть чего-нибудь. А тут он выдохнул».

Неожиданно Инна Сергеевна начинает красиво плакать. Не клеится у неё семейная жизнь. Ну, это и козе понятно.

Надо бы как-то помочь. Сажусь опять напротив, наливаю по коньячку.

– Может, говорю, нам сексом заняться? К тому моменту я уже разглядел: *розовые*, весьма непрочные. Потянулась Инна Сергеевна за чайничком, утратила бдительность, короткая юбочка ещё сдвинулась кверху. Потом расплакалась – до того ли, чтобы следить за всем – тут вообще жить не хочется.

Ну, не умирать же? – Может, говорю, нам сексом заняться?

Полноватые груди Инны Сергеевны расстегнули топик до перемычки, соединяющей чашечки бюстгалтера.

– Нет, отвечает Инна Сергеевна. Я люблю мужа. И у меня месячные.

– А, если – орально? – я не оставляю своей затеи каким-то образом помочь молоденькой женщине восстановить душевное равновесие.

– Нет, орально мне не нравится, – всхлипывая, шепчет моя милая умница.

Я снова подсаживаюсь, помогаю её грудям: расстёгиваю две последние пуговички, и они чувственно расправляются в тонком розовом белье. Инна Сергеевна испуганно спохватывается: «Дети!..». Детей удаётся уговорить пойти на улицу, погулять. Всегда рвутся, а тут им вдруг захотелось дома посидеть. Но – уговорили. Прогулку профинансировали. «Сникерс» хотим – пожалуйста! Куклу хотим – пожалуйста! Минут сорок у нас в запасе есть.

Я укладываю Инну Сергеевну на диванчик в комнате для гостей. Она дошла ватными своими ногами и «без чувств» на него опустилась. Не диванчик – *диванище*! Раньше такими делали залы в хрущобках.

Касаюсь губами щёк, плеч, шеи, груди. Закрытых глаз. Полуоткрытых губ. У меня 40 минут, но я не тороплюсь. Дай, Инна Сергеевна, наглядеться на тебя в эти минуты, дай возможность приближаться к тебе постепенно, по чуть-чуть, чтобы растянуть эти мгновения. Нет, я не влюблён. Я взрослый и опытный. И знаю, что я не второй у Инны Сергеевны. И не последний. Муж не в счёт. Нужно ли обманывать себя тем, что лежит она тут сейчас передо мной такая по-женски слабая из-за того, что вдруг потеряла голову, безумно в меня влюбилась? Нужно быть реалистом. Хотя бы в зеркало на себя посмотреть. И я целую Инну Сергеевну, целую осторожно, нежно просто потому, что где женщина – там Бог. А я – человек верующий...

Я стягиваю с Инны Сергеевны розовые трусики. Наконец-то я их рассмотрел. Ничего особенного, но как было интересно! Да, правду говорила Инна Сергеевна, у неё действительно месячные. Стало быть, не исключено, что и мужа она любит.

Теперь, милая, одну ножку сюда, а другую – сюда. Да... Окрасился месяц багрянцем... Второй день?.. Я стал свидетелем глубокой внутренней драмы. Инна Сергеевна, как мне помнится, родилась под знаком Козерога, значит, боли бывают сильные.

Я целую женщину в нежный промежуток кожи, туда, где живот переходит в бедро. Потом – ниже. Ещё ниже. На вкус ничего, вполне съедобно. Провожу языком по окровавленным лепесткам, Инна Сергеевна стонет – я погружаю всё лицо...

В дверь звонят. Муж? Нет, он в отъезде. Не может быть, что это он. Иду к двери. Положено, конечно, хозяйке, но она «без чувств». Ей, по-видимому, всё равно. Мне не всё равно. Однако, если я открою дверь в таком виде, то муж, если это он, может подумать, что случилось что-нибудь страшное.

Но это не муж. И не дети. Я вижу в экранчике телевизора папу-физика.

Простите, *papa*, при всём пиетете, при всём моём безграничном к вам уважении, дверей я вам не открою...

Я вернулся к Инне Сергеевне. И употребил весь свой многовековой опыт, чтобы чувства у неё проснулись. И мне это удалось.

Когда наступил период, о котором можно сказать «когда всё закончилось», Инна Сергеевна, прекрасная и усталая, спросила: «Ты так и не разденешься?..». У неё появились основания говорить мне «ты».

– Нет, – я ответил. – Ведь у меня может не получиться, и тогда я всё испорчу...

Какое продолжение может, могла иметь такая история? Да никакого.

И, тем не менее, мы встретились с Инной Сергеевной ещё раз. Потом ещё. Кончилось тем, что она бросила мужа и перебралась жить ко мне. С девочками. Мы сочетались гражданским браком.

И жили потом недолго, но счастливо.

Идеальная жена

Начало осени. Ослепительное солнце среди светящейся ярко-жёлтой листвы кленовой рощи. Этими листьями солнце рассыпалось и по веткам, и по земле. Ослепительно-белая у меня в машине Карина, молодая женщина. Белое платье, тонкое, нежное, белое бельё. Как невеста вся. Муж и двое детей у моей женщины. Нет, у нас ещё ничего не было. Будет. Будет...

Карина – жена начальника ЛЭС на газокompрессорной станции. И муж у неё козёл. Потому что хам. Потому что жрёт водку. Внешне эти его качества до поры ничем себя не обнаруживают. Одет всегда с иголочки. Туфельки всегда начищены, галстучек. Шофёр тщательно следит за состоянием УАЗика, на котором ездит его начальство, Радмил Борисович Гальцин. Внутри – кошма на потолке и дверцах, чтобы не замёрзнуть зимой, флэшки и диски с записями самого лучшего шансона. Ещё эта козлина, Радмил Борисович, маленький, щупленький. Но с подчинёнными требовательный и взыскательный. Особенно, когда выпьет.

Тогда Радмил Борисович на подчинённых орут, кроют их матом. Но делают это обычно за пределами газокompрессорной станции, где-нибудь на выезде, в командировке.

Я так думаю, что и дома. В семье. Когда никто не видит.

Потому что компрессорная станция – это не какая-нибудь забегаловка и даже не уютный тихий офис с клерками. Это организация полувоенного типа. Железная дисциплина, порядок. Там, где газ, сотни тысяч кубометров горючего вещества, которое со свистом проносится по трубам газопровода, там опасность. Малейшая оплошность может привести к катастрофе.

Однажды наша компрессорная проводила испытания ветки газопровода.

Как положено, установили по периметру предупреждающие знаки, перекрыли с гаишниками дороги. Стали поднимать давление в газопроводе. И в одном месте стенка трубы не выдержала.

Это событие потом долго обсуждалось жителями окрестных деревень. Взрыв произошёл ночью. И вдруг вся степь вокруг осветилась, можно стало быстро почитать газету, если под рукой газета, но лучше – о чём сразу подумали очевидцы – прикрыть голову руками, согнуться, прыгнуть куда-нибудь в погреб...

Ослепительное пламя струёй на десятки метров устремилось в небо. Всем, кто это увидел, показалось, что – вот оно, наконец, дождалось! – напала на нас проклятая Америка! Или – как вариант – наступил Конец Света. Который уже сколько раз объявляли, и прогноз сбывлся.

Только газовики не видели в случившемся событии ничего особенного. Так бывает при испытаниях газопровода. Обычное дело. Для того и проводятся испытания, чтобы проверить, определить слабое место.

Конец Света, как всегда, оказался рукотворным.

Газ перекрыли. На следующий день пришла техника. Из-под земли достали лоскуты изувеченных труб, заменили их на новые.

Газ – это серьёзно, это опасно.

Поэтому, если бы на территории компрессорной нашего Радмила Борисовича застучали в подпитии, то минуты его пребывания в штате организации были бы сочтены.

Ну и – берёгся он.

Пил только дома и в командировках, где он, среди людей, ему подчинённых, мог позволить себе самое свинское состояние.

Я на газокomppressorной станции был человеком временным. Приехал в глушь, за тысячу километров из Екатеринбурга, поднабраться стажа. В планах был институт, дальнейшее продвижение по карьерной лестнице.

Жил в ведомственной гостинице. Стал немного знакомиться с населением маленького посёлка газовиков.

Однажды в местной столовой начальник ЛЭС, Радмил Борисович Гальцин, отмечал свой день рождения. И там я увидел его жену, Карину. Стройная, худенькая. Тогда я думал, что она блондинка. Карина очень заметна была на празднике Радмила Борисовича: руководила процессом, смеялась и непрестанно говорила о своём муже хорошие, приятные слова.

И я потом, уже узнав Карину поближе, удивлялся этому её качеству: ставить мужа на какой-то пьедестал, говорить о нём всегда хорошее и только хорошее. Вот он – самый умный, самый красивый!

Это чувырло нажиралось, крыло её матом, случалось – и поднимало на неё руку, но всё оставалось в ней, в семье. А на людях, в любой компании – самый лучший! И, конечно – добрый...

Это я узнал уже потом.

Когда оказался для Карины человеком единственным, кому она могла рассказать про свои маленькие женские тайны.

Может быть, именно потому, что некому было рассказать о той тяжести, которую Карине приходилось на себе нести, она и стала задерживаться у меня в кабинете. Ещё и потому, что со мной было весело.

Вот есть люди, которым нравится смеяться. Они и сами смеются и любят кого-нибудь развеселить. Их не так уж и много. Не судите по концертам Петросяна.

Я иногда задумываюсь – откуда в нашей стране произошёл смех? Он привозной, или есть свой, отечественный?

И почему в других странах улыбок больше? Может, и раньше они были у нас, как у всех, а потом их взяли, да и повытоптали?..

Может, поэтому у нас в стране можно чаще услышать: «Расстрелять!», чем «Пожалеть...».

Знакомый гей говорил, что он подобных себе угадывает всюду: в кафе, на автобусных остановках.

Я угадываю тех, то любит смеяться. Подобных себе.

И мы с Кариной как-то друг друга угадали. Сколько приятных минут общения подарило нам это взаимное сходство!

Но – вот есть такое понятие – Замужняя Женщина. Это серьёзно, как у Пушкина: «Уйдите, Дубровский, я замужем!». И всё. Замужем – это новое, это совсем другое состояние женщины. Это непрерывная забота о муже, детях. О порядке в доме. О еде, одежде. Это планирование жизни, её распорядка.

Всё-таки, Женатый Мужчина – это нечто другое...

Карина была замужней женщиной и весело, смахивая нечаянные слёзы, тащила на себе весь воз непростых проблем своей семейной жизни.

Вокруг нашей компрессорной посреди степи островками берёзовые, кленовые рощи. Я позвал Карину покататься со мной на машине, она сразу согласилась. И машина заехала в такую красивую рощу.

Конечно, мы очень весело разговаривали всю дорогу, и смеялись ещё, когда остановились. И я дотронулся руки этой женщины, которая мне очень нравилась. И я поцеловал эту руку. А потом в открытую шею. Губы были уже совсем рядом, я стал целовать и их.

Я прислушивался к каждому движению Карины, к её дыханию.

Коснулся губами руки, пальцев – не отдернула... Шеи – дыхание участилось, но женщина не отстранилась. И потом, когда губы с губами – как-то нерешительно, осторожно стала мне отвечать...

И я руками под платьем попробовал гладить её голые ноги и всё, что дальше в лес – больше дров...

Я остановил себя. Мы отъехали на минутку. Долгое отсутствие могло навлечь на нас обоих подозрение. Коллектив компрессорной маленький. Это даже не Ленинград...

Я поправил на Карине платье, которого из-за меня на ней до пояса практически не было. Всё нашёл, вернул на место. Шейку, шейку ещё много раз поцеловал...

А уже на следующее утро Карина всей семьёй, вместе с мужем, детьми уехала в отпуск. К Чёрному морю, где находился наш, газпромовский, Дом отдыха.

И вот я – знал, что она уедет, и отпустил? И – ничего не сделал?..

Ну, истолковать так было бы совсем не правильно.

Ведь, не сказать, что я-таки ничего и не сделал.

Шейку целовал, голы ножки трогал. Смотрел на них во все глаза. Ох! Как смотрел! И весь вид мой однозначно говорил о том, что пылает во мне огонь любви, а с ним, рука об руку – огонь желаний. И то, что не поспешил – тоже молодец. Значит, не примитивное у меня плотское влечение, а торжество духовного начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.